Z762
.3
M35

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
EH171
B391

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

№ 2712
В90
Т. 75

Л. Троцкий

ЕН171
В391

ВОПРОСЫ БЫТА

ЭПОХА „КУЛЬТУРНИЧЕСТВА“ И ЕЕ ЗАДАЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

№27112
2762
390
III 75
ЕН 171
В 391

Л. Троцкий

ВОПРОСЫ БЫТА

ЭПОХА „КУЛЬТУРНИЧЕСТВА“ И ЕЕ ЗАДАЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

К.

ЕН171
В391

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

~~СФ 12001~~ (1160 ~~28~~.)

~~2906~~ с1.
~~36~~

1062633

Главлит № 11.881 Тираж 30,000.

„Мосполиграф“—20-я типография „Красный Пролетарий“, Пименовская, 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Для того, чтобы эта книжка была понятнее, нужно в двух словах рассказать ее историю. Мне казалось, что в нашей партийной библиотеке нехватает небольшой брошюрки, которая бы в самой популярной форме связывала для рабочего-середняка воедино явления и факты нынешней переходной эпохи, устанавливая правильную перспективу и тем самым являясь орудием коммунистического воспитания. Чтобы проверить себя, я обратился к секретарю Московского Комитета т. Зеленскому с просьбой собрать небольшое совещание агитаторов-массовиков, на котором можно было бы обменяться мнениями по вопросу о способах и литературных средствах нашей пропаганды.

Совещание сразу перешло за границы первоначального замысла. Поднятые на совещании вопросы семьи и быта захватили всех участников за живое. В течение трех заседаний, длившихся в общем десять-двенадцать часов, были если не обсуждены, то, по крайней мере, затронуты и частично освещены различные стороны нынешней переходной жизни рабочих и способы нашего воздействия на рабочий быт.

По предложению участников совещания, мною между первым и вторым заседаниями были формулированы в письменном виде вопросы, на которые от ряда участников поступили письменные же ответы, при чем некоторые из ответных листов явились результатом опять-таки небольших совещаний в районах. Беседы наши с агитаторами Москов-

ского Комитета стенографировались. Вот эти-то стенограммы вместе с анкетными ответами и легли в основу настоящей книжки. Разумеется, материал этот крайне недостаточен. К тому же обрабатывать его пришлось чрезвычайно спешно. Но задача моя и не состояла в том, чтобы всесторонне осветить рабочий быт, его эволюцию и способы воздействия на него, а в том, прежде всего, чтобы поставить вопросы рабочего быта, как предмет внимательного изучения.

Предлагаемая здесь читателю книжка ни в каком случае не есть та популярная брошюрка, мысль о которой явилась исходной точкой работы. Эту брошюрку я еще постараюсь написать, если не помешают обстоятельства. Настоящая же книжка предназначается в первую голову для членов партии, для руководящих элементов в профсоюзах, в кооперативах и культурно-просветительных организациях.

В приложении я даю наиболее значительные и интересные выдержки из анкетных ответов и из стенограмм нашего совещания. Читатель, пожалуй, поступит правильно, если начнет чтение с этого именно приложения. Этим, во всяком случае, будут избегнуты возможные неясности, которые могли бы явиться результатом того, что в тексте я, по соображениям экономии времени и места, избегал приводить цитаты и ссылки.

Л. Троцкий.

4 июля 1923 г.

I. Газета и ее читатель.

Усиление нашей партии, не столько ее численности, сколько ее влияния на беспартийных, с одной стороны, новый период революции, в который мы вступили, — с другой, ставят перед партией отчасти новые задачи, отчасти старые задачи в новой форме — в том числе и в области агитации и пропаганды. Нам надо очень внимательно и тщательно пересматривать наши орудия и средства пропаганды. Достаточны ли они по об'ему, т.-е. захватывают ли все те вопросы, которые нужно осветить? Находят ли они надлежащую форму изложения, доступную читателю и интересную для него?

Этот вопрос, в числе ряда других, составлял предмет обсуждения в кругу 25 московских агитаторов и организаторов-массовиков. Их суждения, отзывы, оценки застенографированы. Я надеюсь вскоре весь этот материал использовать для печати. Товарищи газетчики найдут там немало горьких упреков, и должен, по чистой совести, сказать, что большинство этих упреков, на мой взгляд, справедливо. Вопрос о постановке нашей печатной, в первую голову газетной, агитации имеет слишком большое значение, чтобы тут были допустимы какие-либо замалчивания. Нужно говорить начистоту.

Пословица гласит: „по одежке встречают...“ Следовательно, нужно начать с газетной техники. Она стала, конечно, лучше, чем в 1919—1920 годах, но она все еще крайне плоха. Неряшливость верстки, смазанность печати до последней степени затрудняют чтение газеты даже и хорошо грамотному читателю, тем более малограмотному. Газеты, предна-

значенные для широкого рабочего сбыта, как „Рабочая Москва“ и „Рабочая Газета“ [1]) печатаются крайне плохо. Разница между отдельными экземплярами (оттисками) очень велика: иногда газету можно прочитать почти всю, а иногда не разберешь и половины. Оттого покупка газеты становится похожа на лотерею. Вынимаю наугад один из последних номеров „Рабочей Газеты“. Заглядываю в „Детский Угол“: „Сказка об умном коте“... Прочитать совершенно невозможно, до такой степени печать смазана: это для детей-то! Надо сказать прямо: техника наших газет—позор наш. При нашей бедности и нужде в просвещении мы умудряемся нередко четверть, а то и половину газетного листа испортить, размазав типографскую краску. У читателя такая „газета“ вызывает прежде всего раздражение, у менее развитого читателя—утомление и апатию, у более культурного и требовательного—скрежет зубовный и прямо-таки презрение к тем, кто позволяет себе подобное издевательство над ним. Ведь кто-то пишет эти статьи, кто-то их набирает, кто-то их печатает,—а в результате читатель, „пальчиком водя“, разбирает из пятого в десятое. Стыд и срам! Последний с'езд нашей партии обратил на вопрос о типографском деле особое внимание. И спрашивается: до каких же пор будем мы все это терпеть?

„По одежке встречают—по уму провожают“. Мы уже видели, что сквозь плохую типографскую одежку иной раз трудно бывает добраться до „ума“. Тем более, что на пути еще стоят расположение газетного материала, верстка и корректура. Остановимся только на корректуре, так как она у нас особенно плоха. Не только в газетах, но и в научных журналах—особенно в журнале „Под знаменем Марксизма“!—у нас нередки совершенно чудовищные опечатки и искажения. Лев Толстой когда-то говорил, что книгопечатание есть орудие распространения невежества. Конечно, это высокомерно-барское утверждение в корне ложно. Но оно – увы!—частично оправдывается... корректурой нашей печати. Этого

[1]) Кстати: почему „Рабочая Газета“ складывается не вдоль, а поперек? Может быть, кому-нибудь это и удобно, но никак не читателю.

тоже терпеть нельзя! Если типографии не располагают необходимыми кадрами хорошо грамотных, знающих свое дело корректоров, то нужно эти кадры совершенствовать за делом. Нужны повторительные курсы для нынешних корректоров, в том числе курсы политграмоты. Корректор должен понимать текст, который он корректирует, иначе он не корректор, а невольный распространитель невежества; печать же, вопреки утверждению Толстого, есть орудие просвещения, должна им быть.

Подойдем теперь ближе к содержанию газеты.

Газета существует, прежде всего, для того, чтобы связывать людей вместе, сообщая им о том, что где творится. Таким образом, свежая, обильная, интересная информация (осведомление) составляет душу газеты. Важнейшую роль в газетной информации нашего времени играют телеграф и радио. Поэтому читатель, привыкший к газете и знающий ее назначение, первым делом набрасывается на телеграммы. Но для того, чтобы телеграммы по праву заняли первое место в советской газете, нужно, чтобы они сообщали о фактах значительных и интересных, притом в такой форме, которая понятна массовому читателю. Однако, этого-то у нас и нет. Телеграммы наших газет составляются и печатаются в выражениях, обычных для „большой" буржуазной прессы. Когда следишь за телеграммами изо дня в день в некоторых наших газетах (не будем их называть по именам), то получаешь впечатление, что товарищи, заведующие этим отделом, сдавая свежие телеграммы в набор, совершенно не помнят, что они сдавали вчера. Каждодневной преемственности в работе нет совершенно. Каждая телеграмма похожа на какой-то случайный осколок. Пояснения к ним имеют случайный и по большей части непродуманный характер. Разве что против имени каких-нибудь иностранных буржуазных политиков редактор отдела напишет в скобках: „либ." или „конс." Это должно означать: либерал, консерватор. Но так как три четверти читателей этих редакционных сокращений не поймут, то пояснения лишь пуще сбивают их с толку. Телеграммы, сообщающие, например, о болгарских или румынских событиях, идут у нас обычно через

Вену, Берлин, Варшаву. Названия этих городов, проставленные во главе телеграмм, совершенно сбивают с толку массового читателя, который и без того крайне слаб в географии. К чему я привожу эти детали? Да все к тому же: они лучше всего показывают, как мало мы, при стряпаньи наших газет, вдумываемся в положение низового читателя, в его потребности, в его беспомощность. Обработка телеграмм есть в рабочей газете самое трудное и ответственное дело. Она требует внимательного, кропотливого труда. Нужно обдумать важную телеграмму со всех сторон, придавая ей такую форму, чтобы она непосредственно примыкала к тому, что читательская масса более или менее уже знает. Необходимые пояснения нужно предпослать телеграммам, об'единяя эти последние в группы или сливая их воедино. Какой смысл имеет жирный заголовок в две-три или более строк, если он только повторяет то, что сказано в самой телеграмме? Сплошь да рядом эти заголовки только сбивают читателя. Простое сообщение о второстепенной стачке нередко озаглавливается: „Началось" или: „Развязка приближается",—тогда как в самой телеграмме глухо говорится о движении железнодорожников, без указания причин и целей. На другой день об этом событии ни слова; на третий—также. Когда читатель в следующий раз находит над телеграммой заголовок: „Началось", он уже видит в этом несерьезное отношение к делу, дешевое газетное ухарство, и его интерес к телеграммам и к газете угасает. Если же заведующий отделом телеграмм твердо помнит, что он печатал вчера и третьего дня, и стремится сам понять связь событий и фактов, чтобы пояснить эту связь читателю, то телеграфная информация, даже и очень несовершенная, получает неизмеримое воспитательное значение. У читателя в голове постепенно оседают прочные фактические сведения. Ему все легче и легче понимать новые факты, и он приучается искать и находить в газете первым делом наиболее важную информацию. Читатель, который научится этому, сделает тем самым крупнейший шаг на пути культурного развития. Нашим редакциям надо приналечь на отдел телеграфной информации всеми своими

силами и добиться того, чтобы он был поставлен, как следует быть. Только таким путем—давлением и показом со стороны самих газет—можно постепенно воспитать и корреспондентов Роста.

Раз в неделю, лучше, разумеется, в воскресном номере, т.-е. в тот день, когда рабочий свободен, следовало бы давать итоговые обзоры важнейших событий за неделю. Кстати сказать, такая работа явилась бы великолепным воспитательным средством для заведующих отделами газеты. Они приучились бы более тщательно искать связь отдельных событий между собою, а это очень благотворно отражалось бы, в свою очередь, на ведении соответственного отдела изо дня в день.

Понимание международной газетной информации немыслимо без самых хотя бы основных географических знаний. Даваемые иногда газетами географические схемки—даже и в тех случаях, если их можно разобрать—мало помогают читателю, не знающему взаимного расположения частей света и государств. Вопрос о географических картах есть в наших условиях, т.-е. в условиях империалистического окружения и наростания мировой революции, очень важный вопрос общественного воспитания. Во всех или, по крайней мере, в важнейших помещениях, где у нас устраиваются лекции или митинги, нужно иметь специально для этого изготовленные географические карты с резко очерченными государственными границами и с другими наглядными показателями экономического и политического развития. Может быть, следовало бы установить такого рода схематические карты на некоторых улицах или площадях, по примеру эпохи гражданской войны. Для этого средства, вероятно, нашлись бы. У нас за последний год строят необ'ятное количество знамен—по всяким поводам. Не лучше ли было бы на эти средства обеспечить фабрики и заводы, а в дальнейшем и села, политическими картами?.. Каждый лектор, оратор, пропагандист и пр., называя Англию и ее колонии, укажет их тут же на карте. Точно также укажет и Рур. Прежде всего будет польза для оратора: он яснее и тверже будет знать, о чем говорит, ибо сам будет заранее справляться, где что нахо-

дится. А слушатели, если самый вопрос их интересует, непременно заметят, что́ им показано—не с первого раза, так с пятого или с десятого. А с того момента, когда для читателя слова: Рур, Лондон, Индия—перестают быть пустым звуком, он совсем иначе начинает относиться к телеграммам. Ему уже приятно найти в газете Индию, относительно которой он знает, где она расположена. Он уже тверже стоит на ногах, лучше усваивает телеграммы и политические статьи. Он становится и чувствует себя культурнее. Показательные географические карты становятся, таким образом, первостепенным элементом обще-политического воспитания. Госиздату следовало бы этим вопросом серьезно заняться.

Но вернемся к газете. Те же в общем грехи, которые мы указали в области международной информации, наблюдаются и в отношении внутренней информации, в частности—о деятельности советских, профессиональных, кооперативных и иных учреждений. Невнимательное, неряшливое, невдумчивое отношение к читателю и здесь выражается нередко в „мелочах", но в таких, которые портят все дело. Советские и иные учреждения имеют у нас сокращенные названия, иногда обозначаются только инициалами (первыми буквами). Внутри самого учреждения или в соседних учреждениях от этого проистекают известные удобства, в смысле экономии времени и бумаги. Но широкая масса читателей этих условных сокращений знать не может. Между тем, наши журналисты, репортеры, хроникеры швыряются всякими непонятными советскими словечками, как клоуны шарами. Вот на видном месте напечатана беседа с товарищем таким-то, „председателем ОКХ". В статье эти буквы повторяются десятки раз без пояснения. Нужно быть тертым советским бюрократом, чтобы догадаться, что дело идет об отделе коммунального хозяйства. Массовый же читатель никогда этого не разгадает и бросит, разумеется, с досадой заметку, а, может быть, и всю газету. Газетным работникам нашим надо зарубить у себя на стенке, что сокращения и условные названия хороши и допустимы в тех пределах, в которых они безусловно понятны; там же, где они сбивают лишь людей с толку, прибегать к ним преступно и бессмысленно.

Газета, сказали мы выше, должна первым делом хорошо информировать (осведомлять). Поучать она может только через хорошую, интересную, правильно поставленную информацию. Прежде всего нужно ясно, толково, крепко изложить факт: где, что, как. У нас же нередко считается, что события и факты сами по себе известны читателю, или понятны ему по одному намеку, или же вообще не имеют значения, и что задача газеты состоит, будто бы, в том, чтобы „по поводу" этого факта (читателю неизвестного или непонятного) наговорить много поучительных вещей, давным давно набивших оскомину. Происходит это нередко и потому, что сам автор статьи или заметки не всегда твердо знает и, откровенно говоря, ленится справиться, проверить, прочитать, узнать по телефону. Вот он и норовит пройти сторонкой и рассказывает „по поводу" факта, что буржуазия есть буржуазия, а пролетариат есть пролетариат. Коллеги-газетчики, читатель умоляет вас: не наставлять его, не поучать, не призывать, не понукать,—а толково и ясно рассказать ему, изложить, об'яснить, что, где и как! Поучения и призывы из этого вытекут сами.

Писатель, особенно газетный, должен исходить не от себя, а от читателя. Это очень важное различие, и оно сказывается в построении каждой отдельной статьи и всего номера в целом. В одном случае писатель (неумелый, не понимающий своей задачи) просто пред'являет читателю себя самого, свои взгляды, мысли, а нередко—одни лишь свои фразы. В другом случае писатель, правильно подходящий к задаче, доводит самого читателя до необходимых выводов, пользуясь для этого повседневным жизненным опытом масс. Поясним свою мысль на примере, приводившемся на собеседовании московских агитаторов. В этом году у нас в стране свирепствует, как известно, жесточайшая малярийная эпидемия. В то время, как старые наши традиционные эпидемии: тиф, холера и пр. чрезвычайно сократились за последнее время, понизившись даже по сравнению с довоенным временем, малярия приняла небывалые размеры. Ею захвачены города, районы, фабрики и пр. Своим внезапным появлением, своими приливами и отливами, периодичностью (правильностью, ре-

гулярностью) своих припадков, малярия влияет не только на здоровье, но и на воображение. Об ней говорят, над ней задумываются, она в равной мере создает почву и для суеверий и для научной пропаганды. Но общая наша пресса слишком мало интересовалась и интересуется этим фактом. Между тем, появление каждой статьи на тему о малярии составляло, как рассказывали московские товарищи, предмет величайшего интереса: номер газеты переходил из рук в руки, статью читали вслух и пр. Совершенно очевидно, что пресса наша, не ограничиваясь санитарно-пропагандистской деятельностью Наркомздрава, должна развить по этому поводу большую самостоятельную работу. Начать нужно с изображения самого хода эпидемии, районов ее распространения, перечисления особо затронутых ею фабрик, заводов и пр. Уже это одно установляет живую связь с самыми отсталыми массами, показывая им, что об них знают, что ими интересуются, что они не забыты. Нужно, далее, осветить малярию с естественно-научной и общественной точек зрения, установить ее распространение в связи с известными бытовыми и производственными условиями, показать это на десятках примеров, правильно освещать мероприятия, проводимые соответственными органами государства, преподать необходимые советы, настойчиво повторять их из номера в номер и т. д. На этой конкретной почве можно и должно развернуть пропаганду, напр., против религиозных предрассудков. Если эпидемии, как все вообще болезни, представляют собою кару за грехи, то почему же малярия распространяется больше в одних производствах и меньше в других, больше в сырых местах и меньше в сухих? Фактическая карта распространения малярии с необходимыми деловыми пояснениями есть превосходное орудие антирелигиозной пропаганды. Сила действия этого орудия тем более могущественна, что вопрос одновременно захватывает широкие круги трудящихся, и притом очень остро.

Газета не имеет права не интересоваться тем, чем интересуется масса, рабочая улица. Разумеется, наша газета может и обязана давать фактам свое освещение, ибо она ведь призвана воспитывать, поднимать, развивать. Но она

достигнет цели лишь в том случае, если будет исходить из фактов, мыслей и настроений, задевающих массового читателя за живое.

Несомненно, например, что судебные процессы и так называемые „происшествия": несчастные случаи, самоубийства, убийства, драмы ревности и пр. чрезвычайно волнуют мысль и чувство широких кругов населения. И немудрено: все это яркие куски живой жизни. Между тем наша пресса проявляет ко всему этому, по общему правилу, чрезвычайное невнимание, откликаясь в лучшем случае несколькими строками петита (мелкого шрифта). В результате улица получает свою информацию из менее доброкачественных источников, а вместе с информацией и недоброкачественное освещение. Семейная драма, самоубийство, убийство, процесс с суровым приговором поражают и будут поражать воображение. „Процесс Комарова на время заслонил даже Керзона", пишут т.т. Лагутина и Казанский (Таб. фабр. „Красная Звезда"). Наша печать должна ко всем таким фактам подходить с величайшим вниманием: излагать, освещать и об'яснять их. Тут нужен и психологический, и бытовой, и социальный подход. Десятки и сотни отвлеченных статей, повторяющих „казенные" общие места о буржуазности буржуазии или о тупости мелко-буржуазного семейного строя, не задевают сознания читателя—совершенно, как привычный и надоевший осенний дождь. Но умело рассказанный и в ряде статей освещенный судебный процесс, выросший из семейной драмы, может захватить тысячи читателей и пробудить в них новые, более свежие и широкие мысли и чувства. После этого некоторым из читателей захочется, может-быть, и общей статьи на тему о семье. Желтая буржуазная пресса всего мира делает из убийств и отравлений предмет корыстной сенсации, играя на нездоровом любопытстве и вообще на худших инстинктах человека. Но отсюда вовсе не вытекает, будто мы должны просто-напросто повернуться спиной к любопытству человека и вообще к его инстинктам. Это было бы чистейшим лицемерием и ханжеством. Мы—партия масс, мы—революционное государство, а никак не духовный орден и не монастырь. Наши газеты обязаны удовлетворять

не только любознательность высшего типа, но и естественное любопытство; нужно только, чтобы они при этом поднимали и облагораживали его надлежащим подбором материала и освещением вопроса. Такого рода статьи и заметки всегда и везде читаются очень широко. В советской же печати они почти отсутствуют. Скажут, что нет для этого необходимых литературных сил. Это только отчасти верно. Работники создаются, когда правильно и отчетливо поставлена задача. Прежде всего нужен серьезный поворот внимания. Поворот куда? В сторону читателя, живого, такого, как он есть. массового, пробужденного революцией, но малограмотного, мало культурного, стремящегося познать многое, но сплошь да рядом беспомощного и остающегося неизменно живым человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Читатель этот очень настойчиво требует к себе внимания, хотя и не всегда умеет это выразить. Но за него это прекрасно выразили 25 агитаторов и организаторов-массовиков Московского Комитета нашей партии. Я здесь изложил часть того, что они сказали,—пока лишь малую часть.

II. Не о „политике“ единой жив человек.

Эту простую мысль нам нужно уяснить себе твердо и никак не забывать о ней в нашей устной и печатной агитации и пропаганде. Иное время—иные песни. Дореволюционная история нашей партии была историей революционной политики. Партийная литература, партийные организации—все сплошь стояло под лозунгом „политики“ в самом прямом и непосредственном, в самом тесном смысле этого слова. Годы революционного переворота и гражданской войны придали политическим интересам и задачам еще более острый и напряженный характер. За эти годы партия собрала в свои ряды политически наиболее активные элементы рабочего класса. Основные политические выводы этих лет ясны, однако, рабочему классу в целом. Голое повторение этих выводов ему уже ничего не дает, даже скорее смазывает в его сознании уроки прошлого. После завоевания власти и упрочения ее в результате гражданской войны основные задачи наши передвинулись в область хозяйственно-культурного строительства, усложнились, раздробились, стали более детальными и как бы более „прозаическими“. Но вместе с тем вся наша предшествующая борьба, со всеми ее усилиями и жертвами, будет оправдана лишь в той мере, в какой мы научимся правильно ставить и разрешать наши частичные, повседневные, „культурнические“ задачи.

В самом деле: что собственно рабочий класс добыл и обеспечил предшествующей борьбою?

1. Диктатуру пролетариата (через посредство рабоче-крестьянского государства, руководимого коммунистической партией).

2. Красную Армию, как материальную опору диктатуры пролетариата.

3. Национализацию важнейших средств производства—без чего диктатура пролетариата была бы пустой формой без содержания.

4. Монополию внешней торговли, которая есть необходимое условие социалистического строительства при капиталистическом окружении.

Эти четыре элемента, незыблемо завоеванные, образуют стальную оправу всей нашей работы. Благодаря ей, этой оправе, каждый наш хозяйственный или культурный успех—если это действительный, а не мнимый успех,—становится необходимо составным элементом социалистической постройки.

В чем же наша задача ныне, чему нам нужно научиться в первую голову, к чему стремиться? Нам нужно научиться хорошо работать: точно, чисто, экономно. Нам нужна культура в работе, культура в жизни, культура в быту. Господство эксплоататоров мы—после длительной подготовки—опрокинули рычагом вооруженного восстания. Но нет такого рычага, чтобы сразу поднять культуру. Тут нужен долгий процесс самовоспитания рабочего класса, а рядом с ним и вслед за ним и крестьянства. Об этой перемене направления нашего внимания, наших усилий, наших методов пишет тов. Ленин в своей статье о кооперации:

„...Мы вынуждены, говорит он, признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную „культурную“ работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству“.

Таким образом, от культурничества нас отвлекают лишь

задачи нашего международного положения, да и то, как сейчас увидим, лишь отчасти. Важнейшим фактором нашего международного положения является государственная оборона, т.-е. прежде всего Красная Армия. Но в этой важнейшей области наша задача в настоящее время сводится опять-таки на девять десятых к культурничеству: поднять уровень армии, сделать ее безусловно грамотной, научить ее пользоваться справочниками, книжками, картами, повысить привычку к опрятности, точности, аккуратности, бережливости, наблюдательности. Нет таких чудодейственных средств, которые могли бы разрешить эту задачу сразу. Попытка после окончания гражданской войны, при переходе к новой эпохе нашей работы, создать спасительную „военную пролетарскую доктрину" была наиболее ярким и кричащим выражением непонимания задач новой эпохи. Совершенно сродни этому горделивые замыслы создать лабораторным путем „пролетарскую культуру". В этих поисках философского камня отчаяние перед нашей отсталостью соединяется с верой в чудеса, которая сама по себе есть признак отсталости. Но у нас нет никакого основания для отчаяния, а от веры в чудеса и от ребяческого знахарства, в духе „пролетарских культур" или пролетарских военных доктрин, нам давно пора отказаться. В оправе пролетарской диктатуры нужно развить повседневную культурную и культурническую работу, которая только и обеспечит социалистическое содержание основным завоеваниям революции. Кто этого не понял, тот играет реакционную роль в развитии партийной мысли и партийной работы.

Когда т. Ленин говорит, что ныне наши задачи лежат не столько в политической, сколько в культурной области, то во избежание ложного истолкования его мысли нужно условиться насчет терминологии. В известном смысле политика господствует над всем. Самый совет т. Ленина—перенести внимание с политики на культуру—есть совет политический. Когда рабочая партия в той или другой стране приходит к выводу о необходимости в данный момент выдвигать на передний план экономические требования, а не политические, то самое это решение имеет политический характер. Совершенно очевидно, что слово политика употре-

1068633

бляется тут в двух разных смыслах: во-первых, в широком материалистически-диалектическом смысле, охватывающем совокупность всех руководящих идей, методов, систем, направляющих коллективную деятельность во всех областях общественной жизни; во-вторых, в узком и специальном смысле, характеризующем определенную часть общественной деятельности, непосредственно связанную с борьбой за власть и противопоставляемую экономической, культурной и пр. работе. Когда т. Ленин писал, что политика есть концентрированная экономика, то он имел в виду политику в широком философском смысле. Когда т. Ленин говорил: „поменьше политики, побольше экономики", то он брал политику в узком и специальном смысле. И то и другое употребление слова законно, поскольку твердо освящено обычаем. Нужно только ясно понять, о чем в каждом данном случае идет речь.

Коммунистическая организация является политической партией в широком историческом или, если угодно, философском смысле слова. Другие нынешние партии являются политическими преимущественно в том смысле, что делают политику (малую). Перенос внимания нашей партии на культурную работу вовсе не означает поэтому ослабления политической роли партии. Исторически руководящая (т.-е. политическая) роль партии выразится именно в планомерной передвижке внимания на культурную работу и в руководстве этой работой. Только в результате многих и многих лет внутренне успешной и внешне обеспеченной социалистической работы партия могла бы постепенно освобождаться от оболочки партийности, растворяясь в социалистическом общежитии. Но до этого еще столь далеко, что и загадывать не приходится... На ближайшую эпоху партия должна целиком и полностью сохранить основные черты свои: идейную сплоченность, централизацию, дисциплину и, как результат,— боеспособность. Но именно эти неоценимые качества коммунистической партийности могут в новых условиях сохраниться и развиться только на почве все более полного, умелого, точного, детального обслуживания хозяйственных и культурных потребностей и нужд. В соответствии с этими именно

задачами, которые должны ныне играть первенствующую роль в нашей политике, партия группирует и распределяет свои силы и воспитывает молодое поколение. Иначе сказать, большая политика требует, чтобы в основе работы агитации, пропаганды, распределения сил, обучения и воспитания положены были ныне задачи и потребности экономики и культуры, а не „политики" в узком и специальном смысле этого слова.

* * *

Пролетариат представляет собою могущественное социальное единство, которое вполне и до конца раскрывается в периоды напряженной революционной борьбы за цели всего класса. Но внутри этого единства мы наблюдаем в то же время чрезвычайное разнообразие и даже немалую разнородность. От темного и безграмотного сельского пастуха до высоко квалифицированного машиниста пролегает большое количество квалификаций культурных уровней, бытовых навыков. Наконец, каждый слой, каждый цех, каждая группа состоит из живых людей разного возраста, с разным прошлым и с разным темпераментом. Если бы этого разнообразия не было, то работа коммунистической партии по об'единению и воспитанию пролетариата была бы самым простым делом. А насколько она в действительности трудна, это мы видим на Западе. Можно сказать, что чем богаче история страны и, вместе с тем, история самого рабочего класса, чем больше у него воспоминаний, традиций, навыков, чем больше в нем старых группировок, тем труднее об'единить его в революционном единстве. Наш пролетариат очень беден историей и традицией. Это несомненно облегчило его революционную подготовку к Октябрю. Но это же затрудняет его строительство после Октября. Нашему рабочему—за вычетом самого верхнего слоя—нехватает сплошь да рядом самых простых культурных навыков и познаний (по части опрятности, грамотности, точности и проч.). Европейский рабочий долго и медленно приобретал эти навыки в рамках буржуазного строя: оттого он—через верхние свои слои—и прирос так сильно к буржуазному строю с его демократией,

свободой капиталистической печати и прочими благами. Нашему же рабочему наш запоздалый буржуазный строй почти ничего этого не успел дать: оттого-то пролетариату России легче было порвать с буржуазным строем и опрокинуть его. Но по той же самой причине наш пролетариат в большинстве своем вынужден приобретать и накапливать простейшие культурные навыки лишь ныне, т.-е. уже на основах рабочего, социалистического государства. История ничего не дает даром: и если она на одном—на политике—делает скидку, она берет свое с лихвой на другом—на культуре. Чем легче (относительно, конечно) оказался для российского пролетариата революционный переворот, тем труднее—социалистическое строительство. Но зато выкованная революцией оправа нашей новой общественности, характеризуемая четырьмя основными элементами (см. начало этой главы), придает об'ективно социалистический характер всем добросовестным, разумно направленным усилиям в области хозяйства и культуры. При буржуазном строе рабочий, не желая того и не думая о том, обогащал буржуазию, и обогащал тем больше, чем лучше работал. В советском государстве добросовестный и хороший рабочий, даже и не думая и не заботясь о том (если он беспартийный и аполитичный), совершает социалистическую работу, увеличивая средства рабочего класса. В этом-то и состоит смысл октябрьского переворота, и в этот смысл НЭП не внесла никакой перемены.

Беспартийных рабочих, глубоко преданных производству, технике, станку, очень много. Об их „аполитичности", т.-е. об отсутствии у них интереса к политике, можно говорить лишь условно. Во все важные и трудные моменты революции они были с нами. В подавляющем большинстве своем они не испугались Октября, не дезертировали, не изменили. Во время гражданской войны многие из них были на фронтах, другие честно работали для вооружения армии. Потом они перешли на мирную работу. Аполитичными их называют, и не без некоторого основания, потому, что производственно-цеховой или семейный интерес стоит у них, по крайней мере, в обычное, „спокойное" время, выше полити-

ческого. Каждый из них хочет стать хорошим рабочим, усовершенствоваться в своем деле, подняться в высшую категорию, как для улучшения положения своей семьи, так и из законного профессионального самолюбия. Каждый из них, как мы уже сказали, выполняет при этом социалистическую работу, даже не ставя себе такой цели. Но мы, коммунистическая партия, заинтересованы в том, чтобы эти рабочие-производственники сознательно связали свою повседневную, частичную производственную работу с задачами социалистического строительства в целом. В результате такой связи интересы социализма будут лучше обеспечены, а частичные строители его получат более высокое нравственное удовлетворение.

Но как достигнуть этого? Чисто политически подойти к этому рабочему типу трудно. Все речи он уже слышал. В партию его не тянет. Его мысль работает у станка,—и он не очень удовлетворен теми порядками, которые существуют пока что вокруг этого станка, в мастерской, на заводе, в тресте. Такие рабочие стараются дойти до многого своим умом, держатся частенько замкнуто, выдвигают из своей среды самоучек-изобретателей. Со стороны политики к нему не подойдешь, по крайней мере, не захватишь сейчас за душу, но зато можно и должно подойти к нему со стороны производства и техники.

Тов. Кольцов (Красно-Пресн. район), один из участников уже упомянутого совещания московских агитаторов-массовиков, указал на чрезвычайный недостаток у нас советских учебников, самоучителей и пособий по отдельным техническим специальностям или ремеслам. Старые книжки подобного рода израсходовались, да кроме того иные из них технически отстали, а политически они обычно проникнуты кабально-капиталистическим духом. Новых же пособий такого типа—одно-два и обчелся; разыскать их трудно, так как они выпущены в разное время разными издательствами или ведомствами вне всякого общего плана. В техническом смысле они не всегда пригодны, нередко слишком теоретичны, академичны, а в политическом отношении лишены обычно всякой окраски, являясь в сущности замаскированным перево-

дом с иностранного языка. Нам же нужен ряд новых карманных пособий—для советского слесаря, для советского токаря, для советского электро-монтера и пр. и пр. Пособия эти должны быть приспособлены к нашей нынешней технике и экономике, должны учитывать и бедность нашу и наши великие возможности, должны стремиться привить нашей промышленности новые, наиболее рациональные приемы и навыки. Они должны в большей или меньшей мере раскрывать социалистические перспективы—с точки зрения потребностей и интересов самой техники (сюда относятся вопросы нормализации, электрификации, планового хозяйства). Социалистические идеи и выводы в таких изданиях должны входить органической частью в практическую теорию данной отрасли труда, отнюдь не принимая характера внешней навязчивой агитации. Потребность в подобных изданиях огромная. Она вытекает из нужды в квалифицированных рабочих и из стремления самих рабочих поднять свою квалификацию. Потребность эта обострена перерывом производственной преемственности за годы империалистической и гражданской войны. Мы имеем здесь благодарнейшую и важнейшую задачу.

Нельзя, конечно, закрывать глаза на то, что создать серию таких учебников не легко. Рабочие-практики, хотя бы и высокой квалификации, не умеют писать учебников. Технические писатели, которые берутся за это дело, часто не знают его практически. Наконец, среди них мало людей, мыслящих социалистически. Тем не менее, задача эта разрешима, только не „простыми", т.-е. рутинными, а комбинированными средствами. Для написания учебника или, по крайней мере, для редактирования его нужно составить коллегию, скажем, тройку из технически образованного специалиста-писателя, знающего, по возможности, состояние соответственной отрасли нашего производства или способного ознакомиться с ней; из высоко квалифицированного рабочего той же отрасли с производственными интересами и, по возможности, с изобретательской складкой; и из писателя-марксиста, политика, с некоторыми производственно-техническими интересами и знаниями. Этими или подобными путями, но нужно создать образ-

цовую библиотеку технически-производственных (цеховых) пособий,—разумеется, хорошо отпечатанных, хорошо сброшюрованных, удобных по формату и недорогих. Такая библиотека сыграла бы двоякую роль: она содействовала бы повышению квалификации труда и, следовательно, успехам социалистического строительства, и в то же время помогла бы связать очень ценную группу рабочих-производственников с советским хозяйством в целом, а, следовательно, и с коммунистической партией.

Разумеется, дело не может ограничиться одной лишь серией учебных пособий. Мы так подробно остановились на этом частном примере потому, что он дает, как нам кажется, довольно наглядный образчик нового подхода, в соответствии с новыми задачами нынешнего периода. Борьба за идейное завоевание „аполитичных" пролетариев-производственников может и должна вестись разными средствами. Нужны научно-технические, специализированные по производствам, еженедельные или ежемесячные журналы, нужны научно-технические общества, рассчитанные на этого рабочего. По нем же должна равняться, на добрую половину, наша профессиональная печать,поскольку она хочет быть печатью, предназначенной не только для служебного персонала профсоюзов. Но самым убедительным для рабочих этого типа политическим доводом является каждый практический успех наш в области промышленности, каждое реальное упорядочение дела на заводе или в мастерской, каждое продуманное усилие партии в этом направлении.

Политическое миросозерцание интересующего нас сейчас рабочего-производственника можно выразить в следующей, примерно, формулировке его редко высказываемых им мыслей: „Насчет революции и низвержения буржуазии—это, что и говорить, правильно, сделано раз навсегда. Буржуазии нам не надо. Меньшевистских и иных ее приказчиков тоже не требуется. Насчет там „свобод печати"—не суть важно, не в этом дело. А вот как справимся с хозяйством? Вы, коммунисты, взялись за руководство. Цели и планы у вас хороши – знаем, не повторяйте, слышали, согласны, поддержим—а вот как вы эти задачи разрешите на деле? До сих пор, нечего греха таить, не раз бывало так, что вы пальцы ты-

кали не туда, куда следует. Знаем, знаем, сразу всего не сделаешь, надо учиться, ошибки неизбежны. Это все так. И раз мы преступления буржуазии терпели, тем более потерпим ошибки революции. Но только не без конца. Среди вас, коммунистов, тоже ведь люди разные, как и среди нас, грешных: одни действительно учатся, добросовестно относятся к делу, стараются добраться до практического хозяйственного результата, а другие заговаривают зубы. И от тех, что заговаривают зубы, немало выходит вреда, потому что дело у них утекает между пальцев"... Таков этот тип: старательный, дельный токарь, или слесарь, или литейщик, внимательный к своему делу, не энтузиаст, в политике скорее пассивный, но вдумчивый, критически настроенный, иногда несколько скептичный, но всегда верный своему классу—пролетарий высокой пробы. На этот тип партия должна брать курс в нынешнюю эпоху своей работы. Степень завоевания нами этого слоя—на деле, в хозяйстве, в производстве, в технике—будет вернейшим политическим показателем наших успехов на почве культурничества, понимаемого в широком, ленинском, смысле слова.

Ориентировка на хорошего рабочего никак, разумеется, не противоречит другой первостепенной задаче партии: охватить молодое поколение пролетариата. Ибо молодое-то поколение поднимается в условиях определенного периода, формируется, крепнет и закаляется на почве разрешения определенных задач. Молодое поколение должно быть прежде всего поколением хороших, высоко квалифицированных и любящих свое дело рабочих. Оно должно вырастать в сознании того, что его производственная работа есть в то же время социалистическое служение. Внимание к собственной профессиональной выучке, стремление стать мастером своего дела естественно будет высоко ставить в глазах молодежи авторитет хороших рабочих из „стариков", которые, как уже сказано, в большинстве своем остаются ныне вне партии. Ориентировка на хорошего, добросовестного, умелого рабочего становится, следовательно, в то же время директивой воспитания пролетарского молодняка. Без этого невозможно было бы движение вперед, к социализму.

III. Чтоб перестроить быт, надо познать его.

На вопросах быта яснее всего видно, в какой мере отдельный человек является продуктом условий, а не творцом их. Быт, т.-е. обстановка и обиход жизни, складывается в еще большей мере, чем экономика, „за спиною людей“ (выражение Маркса). Сознательное творчество в области быта занимало в человеческой истории ничтожное место. Быт накапливается стихийным опытом людей, изменяется стихийно же, под действием толчков со стороны техники или попутных толчков со стороны революционной борьбы, и в итоге отражает гораздо больше прошлое человеческого общества, чем его настоящее.

Наш пролетариат, не старый, не потомственный, вышел за последние десятилетия из крестьянства, лишь отчасти из мещанства. Быт нашего пролетариата ярко отражает это социальное происхождение его. Достаточно вспомнить „нравы растеряевой улицы“ Глеба Успенского. Что характеризует растеряевцев, т.-е. тульских рабочих последней четверти прошлого столетия? Это мещане или крестьяне, потерявшие в большинстве надежду стать самостоятельными хозяевами: сочетание некультурной мелкобуржуазности с босячеством. С того времени пролетариат проделал гигантское движение,— гораздо больше, однако, в политике, чем в быту и нравах. Быт страшно консервативен. Конечно, растеряевой улицы в старом ее первобытном виде уже не существует. Зверское обращение с учениками, низкопоклонство перед хозяевами, жесточайшее пьянство, уличное хулиганство под удалую

гармонь—всего этого ныне нет. Но в отношениях между мужем и женой, между родителями и детьми, в самом хозяйстве семьи, отгороженной от всего мира, глубоко еще сидит растеряевщина. Нужны годы и десятилетия экономического роста и культурного под'ема, чтобы изгнать растеряевщину из ее последнего убежища—личного и семейного быта, пересоздав его сверху до низу в духе коллективизма.

Вопросы семейного быта были предметом особенно горячего обсуждения на упоминавшемся уже собеседовании московских агитаторов-массовиков. По этой части у всех наболело. Впечатлений, наблюдений, а главное вопросов много, но не только нет ответа на них, но и сами эти вопросы остаются немыми, не попадая ни в печать, ни на собрания. Быт рабочих-массовиков, быт коммунистический и линия бытового стыка между коммунистами и широкой рабочей массой—какое широчайшее поле для наблюдений, для выводов и для активного воздействия!

Художественная наша литература не помогает тут нисколько. По самой природе своей художество консервативно, отстает от жизни, мало приспособлено ловить явления налету, в процессе их формирования. „Неделя" Лебединского вызвала со стороны некоторых товарищей восторг, который мне, признаться, показался неумеренным и опасным для молодого автора. С формальной стороны „Неделя", несмотря на признаки дарования, имеет ученический характер, и только при условии величайшей, упорной и кропотливой работы над собою Лебединский может подняться до художества. Я хочу надеяться, что так оно и будет. Но не эта сторона нас сейчас интересует. „Неделя" произвела впечатление чего-то нового и значительного не художественными своими достижениями, а „коммунистическим" сектором жизни, захваченным ею. Однако, с этой именно стороны захват не глубок. „Губком" показан нам слишком лабораторно, без более глубоких корней, не органично. Оттого вся „Неделя" имеет налет эпизодичности, как повести из жизни революционной эмиграции. Конечно, интересно и поучительно описать „быт" губкома, но трудность и значительность начинаются там, где жизнь коммунистической организации гребешком входит—как кости

черепа друг в друга— в повседневную жизнь народа. Тут нужен большой захват. Коммунистическая партия сейчас основной рычаг всякого сознательного движения вперед. Оттого стык ее с народными массами является основной линией исторического действия—взаимодействия и противодействия.

Коммунистическая теория обогнала реальную нашу повседневную жизнь на десятилетия, а в иных областях — на столетия. Не будь этого, коммунистическая партия не могла бы быть историческим фактором великой революционной силы. Благодаря своему реализму, своей диалектической гибкости, коммунистическая теория вырабатывает политические методы, обеспечивающие ей влияние при всяких условиях. Но одно дело политическая идея, а другое—быт. Политика гибка, а быт неподвижен и упрям. Оттого так много бытовых столкновений в рабочей среде, по линии, где сознательность упирается в традицию—столкновений тем более тяжелых, что они остаются в общественном смысле безгласны. Ни художественная литература, ни даже публицистика их не отражают. Наша пресса об этих вопросах молчит. А для новых художественных школ, пытающихся итти в ногу с революцией, быт вообще не существует. Они—видите ли— собираются созидать жизнь, а не изображать ее. Но из пальца быта нельзя высосать. Его можно строить из элементов, имеющихся налицо и способных к развитию. Поэтому прежде, чем строить, нужно знать, что́ есть. Это относится не только к воздействию на быт, но и ко всякой вообще сознательной человеческой деятельности. Нужно знать, что́ есть и в каком направлении существующее изменяется, чтобы получить возможность участвовать в созидании быта. Покажите нам— и сами себе прежде всего,— что делается на фабрике, в рабочей среде, в кооперативе, в клубе, в школе, на улице, в пивной, сумейте понять, что там делается, т.-е. найти необходимую перспективу для осколков прошлого и зародышей будущего. Этот призыв относится в одинаковой мере и к беллетристам, и к публицистам, и к рабкорам, и к репортерам. Показывайте нам жизнь, какою она вышла из революционной печи.

Нетрудно, однако, догадаться, что одними призывами

мы не создадим поворота во внимании наших писателей. Тут нужна правильная постановка дела, правильное руководство. Изучение и освещение рабочего быта нужно поставить прежде всего, как очередную задачу журналистов, по крайней мере, тех, у которых есть глаза и уши; нужно организованным порядком направить их на эту работу, инструктируя их, поправляя, направляя и воспитывая их таким путем в революционных бытописателей. Нужно одновременно с этим расширить угол внимания рабочих корреспондентов. По существу дела почти каждый из них мог бы давать гораздо более интересные и содержательные корреспонденции, чем те, которые пишутся в большинстве случаев ныне. Но для этого нужно обдуманно формулировать вопросы, правильно ставить задачи, вызывать на разговор и помогать вести его.

Для того, чтобы подняться культурно на более высокую ступень, рабочему классу, прежде всего его авангарду, нужно продумать свой быт. А для этого нужно познать его. Буржуазия, в лице, главным образом, своей интеллигенции, выполнила эту задачу в значительной мере еще до завоевания власти: она была имущим классом, еще находясь в оппозиции, и художники, поэты и публицисты обслуживали ее, помогали ей думать или думали за нее.

Во Франции XVIII-ый век, так называемый век просветительства, был временем, когда буржуазные философы продумывали разные стороны общественного и личного быта, стремясь их рационализировать, т.-е. подчинить требованиям „разума". Они захватывали при этом не только вопросы политического строя, церкви, но и отношения полов, воспитания детей и т. д. Несомненно, что уже одной постановкой и обсуждением этих вопросов они много способствовали повышению культуры личности, разумеется, буржуазной, преимущественно интеллигентской. Все усилия просветительской философии рационализировать, т.-е. перестроить по законам разума, общественные и личные отношения упирались, однако, в факт частной собственности на средства производства, который должен был оставаться краеугольным камнем нового, на разуме основанного общества. Частная собствен-

ность означала рынок, слепую игру экономических сил, не управляемых „разумом". На рыночных хозяйственных отношениях складывался рыночный же быт. Пока рынок господствовал, нельзя было и думать о действительной рационализации быта народных масс. Отсюда крайняя ограниченность приложения на практике рационалистических построений философов XVIII-го века, иногда очень проницательных и смелых по своим выводам.

В Германии полоса просветительства падает на первую половину прошлого столетия. Во главе движения идет „Молодая Германия", с ее вождями—Гейне и Берне. В основе своей это была опять-таки критическая работа левого крыла буржуазии, ее интеллигенции, которая об'явила войну рабству, низкопоклонству, филистерству, мещанскому тупоумию, предрассудкам и стремилась,—но уже с гораздо большим скептицизмом, чем ее французские предшественники,—установить царство разума. Это движение влилось затем в мелко-буржуазную революцию 48-го года, которая оказалась бессильной сбросить даже многочисленные немецкие династии, не то что перестроить сверху до низу человеческую жизнь.

У нас, в отсталой России, просветительство получает сколько-нибудь широкий характер во вторую половину XIX-го столетия. Чернышевский, Писарев, Добролюбов, вышедшие из школы Белинского, направляли свою критику не только и даже не столько на хозяйственные отношения, сколько на нескладицу, реакционность, азиатчину быта, противопоставляя старым традиционным типам нового человека, „реалиста", „утилитариста", который хочет строить свою жизнь по законам разума и вскоре превращается в „критически мыслящую личность". Движение это, влившееся в народничество, было запоздалым русским просветительством. Но если французские просветители XVIII-го столетия лишь в очень малой мере могли изменить быт и нравы, формируемые не философией, а рынком; если непосредственная культурно-историческая роль немецкого просветительства оказалась еще более ограниченной, то прямое влияние русского интеллигентского просветительства на быт и

нравы народа было и вовсе ничтожно. В конце-концов историческая роль русского просветительства, включая и народничество, определяется тем, что оно подготовило условия для возникновения партии революционного пролетариата.

Только с завоеванием власти рабочим классом создаются условия для действительного преобразования быта, до самых глубоких его основ. Рационализировать быт, т.-е. преобразовать его по требованиям разума, нельзя, не рационализируя производства, ибо корни быта в хозяйстве. Только социализм ставит своей задачей охватить разумом и подчинить ему всю хозяйственную деятельность человека. Буржуазия, в лице самых своих передовых течений, ограничивалась тем, что рационализировала, с одной стороны, технику (через естественные науки, технологию, химию, изобретения, машинизацию), с другой—политику (через парламентаризм), но не экономику, которая оставалась ареной слепой конкуренции. Потому-то бессознательное и слепое продолжало господствовать в быте буржуазного общества. Завоевавший власть рабочий класс ставит себе задачей подчинить сознательному контролю и руководству экономические основы человеческих отношений. Только это и открывает возможность осмысленной перестройки быта.

Но этим же самым устанавливается тесная зависимость наших успехов в области быта от наших успехов в области хозяйства. Нет, правда, никакого сомнения в том, что даже при нынешнем хозяйственном уровне мы могли бы внести значительно больше элементов критики, инициативы и разума в наш быт. В этом и состоит одна из задач эпохи. Но еще более очевидно, что коренная перестройка быта: освобождение женщины от положения домашней рабыни, общественное воспитание детей, освобождение брака от элементов хозяйственной принудительности и пр., осуществима только в меру общественного накопления и возрастающего перевеса социалистических форм хозяйства над капиталистическими. Критическая проверка быта теперь же есть необходимое условие для того, чтобы быт, консервативный по тысячелетним своим традициям, не отставал от тех прогрессивных возможностей, которые открываются уже и сего-

дняшними нашими хозяйственными рессурсами или откроются—завтрашними. С другой стороны, даже самые небольшие успехи в области быта, равнозначащие по характеру своему повышению культурности рабочего и работницы, немедленно же расширят возможность рационализации промышленности и, следовательно, более быстрого социалистического накопления, а это последнее откроет, в свою очередь, возможность новых завоеваний в области обобществления быта. Зависимость здесь диалектическая: главный исторический фактор—экономика; но воздействовать на нее мы, коммунистическая партия, мы, рабочее государство, можем только через рабочий класс, непрерывно повышая техническую и культурную квалификацию его составных элементов. Культурничество в рабочем государстве служит социализму, а социализм означает мощный расцвет культуры, подлинной, внеклассовой, человеческой и человечной.

IV. Водка, церковь и кинематограф.

Два больших факта наложили новую печать на рабочий быт: восьмичасовой рабочий день и прекращение торговли водкой. Ликвидация водочной монополии, будучи вызвана войной, предшествовала революции. Война требовала таких неисчислимых средств, что царизм мог отказаться от питейного дохода, как от безделицы: миллиардом больше, миллиардом меньше—разница не велика. Революция унаследовала ликвидацию водочной монополии, как факт, и усыновила этот факт, но уже по соображениям глубокого принципиального характера. Только с завоевания власти рабочим классом, который становится сознательным строителем нового хозяйства, государственная борьба с алкоголизмом—культурно-просветительная и запретительная—получает все свое историческое значение. В этом смысле то по существу побочное обстоятельство, что „пьяный" бюджет был опрокинут попутно империалистской войной, нисколько не меняет того основного факта, что ликвидация государственного спаивания народа вошла в железный инвентарь завоеваний революции. Развить, укрепить, организовать, довести до конца антиалкогольный режим в стране возрождающегося труда—такова наша задача. И хозяйственные наши и культурные успехи будут итти параллельно с уменьшением числа „градусов". Тут уступок быть не может.

Что касается восьмичасового рабочего дня, то он является уже прямым завоеванием революции, одним из важнейших. Сам по себе, уже как факт, восьмичасовой рабочий день вносит радикальную перемену в жизнь рабочего, освобождая две трети суток от фабричного труда. Это создает основу

для коренных изменений быта, для развития культурности, для общественного воспитания и пр., но только основу. Чем правильнее будет использовано государством рабочее время, тем лучше, полнее, содержательнее сможет быть обставлена вся жизнь рабочего. В том и состоит ведь, как уже сказано, основной смысл октябрьского переворота, что хозяйственные успехи каждого рабочего автоматически означают материальный и культурный под'ем рабочего класса в целом. „Восемь часов для труда, восемь для сна, восемь свободных",—гласит старая формула рабочего движения. В наших условиях она получает совершенно новое содержание: чем производительнее использованы восемь часов труда, тем лучше, чище, гигиеничнее могут быть обставлены восемь часов сна, тем содержательнее, культурнее—восемь часов свободных.

Вопрос о развлечениях получает в этой связи огромное культурно-воспитательное значение. Характер ребенка обнаруживается и формируется в игре. Характер взрослого человека ярче всего высказывается в играх и развлечениях. Но и в формировании характера целого класса—если это класс молодой и идущий вперед, как пролетариат,—развлечение и игра могут занять выдающееся место. Великий французский утопист Фурье—в противовес христианскому аскетизму и подавлению природы—строил свои фаланстеры (коммуны будущего) на правильном и разумном использовании и сочетании человеческих инстинктов и страстей. Это мысль глубокая. Рабочее государство не есть ни духовный орден, ни монастырь. Мы берем людей такими, какими их создала природа, и какими их отчасти воспитало, отчасти искалечило старое общество. Мы ищем точек опоры в этом живом человеческом материале для приложения нашего партийного и революционно-государственного рычага. Стремление развлечься, рассеяться, поглазеть и посмеяться есть законнейшее стремление человеческой природы. Мы можем и должны давать этой потребности удовлетворение все более высокого художественного качества и в то же время—сделать развлечение орудием коллективного воспитания, без педагогического опекунства, без назойливого направления на путь истины.

Важнейшим, далеко превосходящим все другие, орудием в этой области может явиться в настоящее время кинематограф. Это поразительное зрелищное новшество врезалось в жизнь человечества с невиданной еще в прошлом победоносной быстротой. В обиходе капиталистических городов кинематограф сейчас такая же составная часть жизни, как баня, пивная, церковь и другие необходимые учреждения, похвальные и непохвальные. Страсть к кинематографу имеет в основе своей стремление отвлечься, увидеть нечто новое, небывалое, посмеяться и даже поплакать, но не над собственными злоключениями, а над чужими. Всем этим потребностям кинематограф дает удовлетворение наиболее непосредственное, зрительное, образное, совсем живое, не требуя от зрителя почти ничего, даже простой грамотности. Отсюда такая благодарная любовь зрителя к кинематографу, неистощимому источнику впечатлений и переживаний! Вот где точка—и не точка, а огромная площадь—для приложения воспитательно-социалистических усилий.

То, что мы до сих пор, т. е. за эти почти шесть лет, не овладели кинематографом, показывает, до какой степени мы косолапы, некультурны, чтобы не сказать прямо-таки тупоумны. Это орудие, которое само просится в руки: лучший инструмент пропаганды—технической, культурной, производственной, антиалкогольной, санитарной, политической—какой угодно, пропаганды общедоступной, привлекательной, врезывающейся в память, и—возможная доходная статья.

Привлекая и развлекая, кинематограф уже тем самым конкурирует с пивной и с кабаком. Я не знаю, чего сейчас больше в Париже или Нью-Йорке: пивных или кинематографов? И какие из этих предприятий дают больше дохода? Но ясно, что кинематограф соперничает прежде всего с кабаком в вопросе о том, как и чем заполнить восемь свободных часов. Можем ли мы овладеть этим несравненным орудием? Почему нет? Царское правительство создало в несколько лет разветвленную сеть государственных кабаков. На этом деле оно получало до миллиарда золотых рублей дохода в год. Почему же рабочее государство не может создать сеть государственных кинематографов, все более

и более внедряя этот аппарат развлечения и воспитания в народную жизнь, противопоставляя его алкоголю и превращая его в то же время в доходную статью? Осуществимо ли это? Почему бы нет? Конечно, это не легко. Но это во всяком случае естественнее, больше отвечает природе и организаторским силам и способностям рабочего государства, чем, скажем, попытка реставрации... водочного дела.*)

Кинематограф соперничает не только с кабаком, но также и с церковью. И это соперничество может стать для церкви роковым, если отделение церкви от социалистического государства мы дополним соединением социалистического государства с кинематографом.

Религиозности в русском рабочем классе почти нет совершенно. Да ее и не было никогда по настоящему. Православная церковь была бытовым обрядом и казенной организацией. Проникнуть же глубоко в сознание и связать свои догматы и каноны с внутренними переживаниями народных масс ей не удалось. Причина здесь та же: некультурность старой России , в том числе и ее церкви. Оттого, пробуждаясь к культуре, русский рабочий так легко освобождается от своей чисто внешней бытовой связи с церковью. Для крестьянина это, правда, труднее,—но не потому, чтобы он глубже, интимнее проникся церковным учением — этого, конечно, нет и в помине,—а потому, что его косный и однообразный быт тесно связан с косной и однообразной церковной обрядностью.

У рабочего—мы говорим о массовом беспартийном рабочем—связь с церковью держится, в большинстве случаев, на нитке привычки, преимущественно женской привычки. Иконы висят в доме, потому что они уже есть. Они украшают

*) Эти строки были уже написаны, когда я в последнем имеющемся в моих руках номере „Правды“ (от 30 июня) нашел следующую выдержку из присланной в редакцию статьи тов. И. Гордеева: „Кинопромышленность является крайне выгодным коммерческим делом, дающим огромные барыши. При умелом, толковом и деловом подходе киномонополия может сыграть для оздоровления наших финансов роль, сходную с ролью водочной монополии для царской казны“. Дальше приводятся у т. Гордеева практические соображения о том, как провести кинофикацию советского быта. Вот вопрос, который действительно нуждается в серьзной и деловой разработке!

стены, без них слишком голо — непривычно. Новых икон рабочий покупать не станет, но от старых отказаться нехватает воли. Чем отметить весенний праздник, если не куличем и пасхой? А кулич и пасху, по привычке, полагается святить,—иначе выходит голо. И в церковь ходят вовсе не по причине религиозности: светло в церкви, нарядно, людно, хорошо поют—целый ряд общественно-эстетических приманок, которых не имеют ни фабрика, ни семья, ни будничная улица. Веры нет или почти нет. Во всяком случае, нет никакого уважения к церковной иерархии, никакого доверия к магической силе обрядности. Но нет и активной воли порвать со всем этим. Элемент рассеяния, отвлечения и развлечения играет в церковной обрядности огромную роль. Церковь действует театральными приемами на зрение, слух и обоняние (ладан!), а через них—на воображение. Потребность же человека в театральности — посмотреть и послушать необычное, яркое, выводящее из жизненного однообразия—очень велика, неискоренима, требовательна, с детских лет и до глубокой старости. Чтобы освободить широкие массы от обрядности, от бытовой церковности, недостаточно одной лишь антирелигиозной пропаганды. Разумеется, она необходима. Но непосредственное, практическое влияние ее все же ограничивается меньшинством, идейно наиболее мужественным. Широкая же масса не потому не поддается антирелигиозной пропаганде, что у нее так глубока духовная связь с религией, а наоборот, потому что идейной то связи и нет, а есть бесформенная, косная, непроведенная через сознание связь бытовая, автоматическая, и в том числе—связь уличного зеваки, который не прочь при случае принять участие в процессии или торжественном богослужении, послушать пение, помахать руками. Вот эту безыдейную обрядность, которая ложится на сознание косным грузом, нельзя разрушить одной лишь критикой, а можно вытеснить новыми формами быта, новыми развлечениями, новой, более культурной театральностью. И здесь опять-таки мысль естественно направляется к самому могущественному — ибо самому демократическому—орудию театральности: кинематографу. Не нуждаясь в разветвленной иерархии, в парче и пр., кинема-

тограф развертывает на белой простыне гораздо более захватывающую театральность, чем самая богатая, умудренная театральным опытом тысячелетий церковь, мечеть или синагога. В церкви показывают только одно „действо“ и притом всегда одно и то же, из года в год, а кинематограф тут же, по соседству или через улицу, в те же дни и часы покажет и языческую пасху, и иудейскую, и христианскую, в их исторической преемственности и в их обрядовой подражательности. Кинематограф развлечет, просветит, поразит воображение образом и освободит от потребности переступать церковный порог. Кинематограф—великий конкуррент не только кабака, но и церкви. Вот орудие, которым нам нужно овладеть во что бы то ни стало!

V. От старой семьи—к новой.

Внутренние отношения и события в семье, по своей природе, труднее всего поддаются об'ективному обследованию или статистическому учету. Вот почему нелегко сказать, насколько ныне семейные связи разрушаются (в жизни, а не на бумаге) легче и чаще, чем прежде. Здесь приходится в значительной мере удовлетворяться суждениями на глаз. При этом разница между дореволюционным временем и нынешним состоит в том, что прежде конфликты и драмы в рабочей семье проходили совершенно незаметно, даже для самой же рабочей массы, а ныне, когда широкий слой рабочих-передовиков, занимающих ответственные места, живет у всех на виду, каждая семейная катастрофа становится предметом обсуждения, а иногда и просто судачения.

С этой серьезной оговоркой необходимо, однако, признать, что семья, в том числе и пролетарская, расшаталась. Этот факт считался на собеседовании московских агитаторов твердо установленным, никем не оспаривался. Расценивали его во время беседы по разному: одни—более тревожно, другие—сдержанно, третьи—недоуменно. Во всяком случае, для всех было ясно, что мы имеем перед собою какой-то большой процесс, весьма хаотический, принимающий то болезненные, то отталкивающие, то смешные, то трагические формы и еще почти совершенно не успевший обнаружить скрытые в нем возможности нового, более высокого семейного уклада. Указания на распад семьи проникали и в печать, хотя крайне редко и в чрезвычайно общем виде. В одной статье мне пришлось даже читать об'яснение, сводящееся к тому, что в распаде рабочей семьи нужно видеть просто-напросто про-

явление „буржуазного влияния на пролетариат". Такое об'-яснение неверно. Дело глубже и сложнее. Конечно, влияние буржуазного прошлого и буржуазного настоящего налицо. Но основной процесс состоит в болезненной и кризисной эволюции самой пролетарской семьи, и мы присутствуем сейчас при первых очень хаотических этапах этого процесса.

Глубоко разрушительное влияние войны на семью известно.

Война действует в этом направлении уже чисто механически, разводя людей надолго в разные стороны или сводя их случайно. Это влияние войны революция продолжила и закрепила. Годы войны вообще расшатали все то, что держалось только силой исторической инерции: царское господство, сословные привилегии, старую бытовую семью. Революция построила прежде всего новое государство, т.-е. разрешила наиболее неотложную и простую свою задачу. С экономикой дело оказалось гораздо сложнее. Война расшатала старое хозяйство, революция его опрокинула. Ныне мы строим новое — пока что главным образом из старого, но организуемого нами на новый лад. В области хозяйства мы разрушительный период только недавно оставили позади, и начали подниматься. Успехи еще очень слабы, и до новых, социалистических форм еще чрезвычайно далеко. Но из полосы разрушения и распада мы вышли. Самая низкая точка приходится на 20—21-ый годы.

В области семейного быта первый разрушительный период далеко не закончен, расшатка и распад идут еще полным ходом. В этом нужно прежде всего отдать себе отчет. В сфере семейно - бытовых отношений мы проходим еще, так сказать, через 20—21-ый годы, а не через 23-ий. Быт гораздо консервативнее хозяйства, между прочим и потому, что он еще менее осознается, чем это последнее. В области политики и экономики рабочий класс действует, как целое, и потому выдвигает на первое место свой авангард — коммунистическую партию, и через нее, в первую голову, осуществляет свои исторические задачи. В области быта рабочий класс раздроблен на клеточки семей. Перемена государственной власти, даже перемена экономического строя — пе-

реход фабрик и заводов в собственность трудящихся — все это, разумеется, влияет на семью, но лишь извне, косвенно, не затрагивая непосредственно унаследованных от прошлого бытовых ее форм. Коренное преобразование семьи и вообще повседневного уклада жизни требует высоко сознательных усилий со стороны рабочего класса во всей его толще и предполагает в нем самом могущественную молекулярную работу внутреннего культурного под'ема. Тут нужно глубоким плугом поднять тяжелые пласты. Установить политическое равенство женщины с мужчиной в советском государстве—это одна задача, наиболее простая. Установить производственное равенство рабочего и работницы на фабрике, на заводе, в профессиональном союзе, так чтобы мужчина не оттирал женщины,—эта задача уже много труднее. Но установить действительное равенство мужчины и женщины в семье—вот задача неизмеримо более трудная и требующая величайших усилий, направленных на то, чтобы революционизировать весь наш быт. А между тем совершенно очевидно, что без достижения действительного, бытового и морального равенства мужа и жены в семье нельзя серьезно говорить о равенстве их в общественном производстве или о равенстве их даже в государственной политике, ибо, если женщина прикована к семье, к варке, к стирке и шитью, то уже тем самым возможность ее воздействия на общественную и государственную жизнь урезывается до последней крайности.

Самой простой задачей было овладение властью. Но и эта задача поглощала в соответственный период революции все наши силы. Она потребовала неисчислимых жертв. Гражданская война сопровождалась мерами крайней суровости. Мещанские пошляки кричали об одичании нравов, о кровавом развращении пролетариата и пр. На самом же деле пролетариат навязанными ему мерами революционного насилия вел борьбу за новую культуру, за подлинную человечность. В хозяйственной области мы проходили в первые четыре-пять лет через период убийственного развала, полного упадка производительности труда, при ужасающей качественной низкопробности производимых продуктов.

Враги видели или хотели видеть в этом полное гниение советского режима. На самом же деле это был лишь неизбежный этап разрушения старых хозяйственных форм и первых беспомощных попыток создать новые.

В области семьи и быта вообще тоже есть свой неизбежный период распада всего старого, традиционного, завещанного прошлым и не продуманного мыслью. Но здесь, в области быта, критически - разрушительный период приходит с запозданием, длится очень долго и принимает самые тяжкие и болезненные формы, хотя, вследствие своей мозаичности, далеко не всегда заметные поверхностному взору. Эти перспективные вехи переломов в государстве, хозяйстве и быту нам необходимо установить для того, чтобы не пугаться самим наблюдаемых нами явлений, а правильно оценить их, т.-е. понять их место в развитии рабочего класса и сознательно воздействовать на них в сторону социалистических форм общежития.

Не пугаться самим—говорю я—ибо испуганные голоса уже раздавались. На собеседовании московских агитаторов некоторые товарищи с большой и понятной тревогой приводили примеры той легкости, с которой разрываются старые семейные связи и завязываются новые — столь же непрочные. Страдающим элементом являются при этом: мать и дети. С другой стороны, кому из нас не приходилось слышать в частных беседах прямо-таки причитания по поводу „распада" нравов среди советской молодежи, в частности комсомольцев. В этих жалобах не все, конечно, состоит из преувеличений, есть и правда. С отрицательными сторонами этой правды борьба необходима и будет вестись—борьба за поднятие культуры и человеческой личности. Но чтобы правильно подойти к азбуке вопроса, не впадая в реакционное морализаторство или в сентиментальное уныние, нужно прежде всего знать, что́ есть, и понять, что происходит.

На семейный быт обрушились, как уже сказано, колоссальнейшие события: война и революция. А по их следам пополз подземный крот: критическая мысль, сознательная переработка и оценка семейных отношений и бытового уклада. Сочетание механической силы великих событий с

критической силой пробужденной мысли порождает в области семьи ту разрушительную стадию, через которую мы ныне проходим. Русскому рабочему приходится в разных областях своей жизни сознательно проделывать первые культурные шаги лишь теперь, после завоевания власти. Под влиянием могущественных сотрясений личность впервые вырывается из бытовых, традиционных, церковных форм и отношений,—мудрено ли, если ее индивидуальный протест, ее восстание против старины принимают на первых порах анархические или, грубее выражаясь, разнузданные формы? Мы это наблюдали и в политике, и в военном деле, и в хозяйстве: анархо-индивидуализм, всех видов „левизна", партизанщина, митингование. Мудрено ли, наконец, если этот процесс находит свое наиболее интимное и потому наиболее болезненное выражение в области семейной? Здесь пробужденная личность, которая хочет строить свою жизнь по новому, а не по старинке, ударяется в „разгул", „озорство" и прочие грехи, о коих говорилось на московском собеседовании.

Муж, вырванный мобилизацией из привычных условий, впервые стал на гражданском фронте революционным гражданином. Он пережил величайший внутренний переворот. Его горизонт расширился. Его духовные потребности повысились и усложнились. Это уже другой человек. Он возвращается в семью. Застает все или почти все на старом месте. Старая семейная смычка порвана. Новая не создается. Удивление с обеих сторон переходит во взаимное недовольство. Недовольство—в озлобление. Озлобление ведет к разрыву.

Муж, коммунист, живет активной общественной жизнью, растет вместе с ней и в этом находит смысл личной своей жизни. Но и жена, коммунистка, стремится принять участие в общественной работе, посещает собрания, работает в совете или в союзе. Семья либо незаметно сходит на-нет, либо же конфликты на почве отсутствия семейного уюта накопляются, вызывают взаимное ожесточение и—разрыв.

Муж—коммунист, жена—беспартийная. Муж поглощен общественной работой, жена попрежнему замкнута в семейном кругу. Отношения—„мирные", основанные в сущности

на привычном отчуждении. Но вот ячейка постановила: коммунистам снять у себя иконы. Муж считает это само собой разумеющимся. Жена видит в этом катастрофу. По такому случайному, в сущности, поводу обнаруживается духовная пропасть между мужем и женой. Отношения обостряются и в результате—разрыв.

Старая семья, десять-пятнадцать лет совместной жизни. Муж—хороший рабочий, семьянин, жена предана очагу, всю энергию свою полагает на семью. Случай сводит ее, однако, с женской организацией. Перед ней открывается новый мир. Энергия ее находит новое, более широкое применение. В семье упадок. Муж ожесточается. Жена чувствует себя оскорбленной в своем пробужденном гражданском достоинстве. Разрыв.

Число таких вариантов семейной драмы, приводящих к одному и тому же результату—к разрыву, можно было бы умножить без конца. Но основные случаи мы привели. Все они в наших примерах разыгрываются на линии стыка между коммунистическими элементами и беспартийными. Но распад семьи (старой) не ограничивается только этой верхушкой класса, наиболее открытой действию новых условий, а проникает глубже. В конце-концов, коммунистический авангард проделывает лишь раньше и резче то, что более или менее неизбежно для класса в целом. Критическая проверка собственной жизни, пред'явление новых требований к семье—эти явления распространяются, разумеется, гораздо шире той линии, по которой коммунистическая партия соприкасается с рабочим классом. Уже одно введение института гражданского брака не могло не нанести жестокий удар старой, освященной, показной семье. Чем меньше в старом браке было личной связи, тем в большей мере роль скрепы играла внешняя, бытовая, в частности обрядовая, церковная сторона. Удар по этой последней оказался тем самым ударом по семье. Обрядность, лишенная как об'ективного содержания, так и государственного признания, держится лишь силой инерции, продолжая служить одной из подпорок бытовой семье. Но если в самой семье нет внутренней связи, если сама она держится в значительной мере силой

инерции, то каждый внешний толчок способен развалить ее, ударяя тем самым и по церковности. А толчков в наше время несравненно больше, чем когда бы то ни было. Вот почему семья шатается, распадается, разваливается, возникает и снова рушится. В жестокой и болезненной критике семьи быт проверяет себя. История рубит старый лес—щепки летят.

А подготовляются ли элементы новой семьи? Бесспорно. Но нужно уяснить себе природу этих элементов и процесс их формирования. Как и в других случаях, тут необходимо различать материальные условия и психические, или об'ективные и суб'ективные. В психическом смысле подготовка новой семьи, новых человеческих отношений вообще означает для нас культурный рост рабочего класса, развитие личности, повышение ее запросов и внутренней дисциплины. С этой точки зрения революция сама по себе означает, конечно, громадное движение вперед, и самые тяжкие явления семейного распада представляются лишь болезненным по форме выражением пробуждения класса и личности в классе. Вся наша культурная работа—та, которую мы делаем, и особенно та, которую мы лишь должны делать,—является с этой точки зрения подготовкой новых отношений и новой семьи. Без повышения индивидуальной культурности рабочего и работницы не может быть новой, более высокой семьи, ибо в этой области речь может итти, разумеется, только о внутренней дисциплине, а никак не о внешней принудительности. Сила же внутренней дисциплины личности в семье определяется содержанием внутренней жизни, об'емом и ценностью тех связей, которые соединяют мужа и жену.

Подготовка материальных условий нового быта и новой семьи опять-таки в основе своей не может быть отделена от общей работы социалистического строительства. Рабочему государству нужно стать богаче для того, чтобы возможно было, уже всерьез и как следует быть, приступить к общественному воспитанию детей и к разгрузке семьи от кухни и прачешной. Обобществление семейного хозяйства и воспитания детей немыслимо без известного обогащения

всего нашего хозяйства в целом. Нам нужно социалистическое накопление. Только при этом условии мы сможем освободить семью от таких функций и забот, которые ныне угнетают и разрушают ее. Стирать белье должна хорошая общественная прачешная. Кормить—хороший общественный ресторан. Обшивать—швейная мастерская. Воспитываться дети должны хорошими общественными педагогами, которые в этом деле находят свое подлинное призвание. Тогда связь мужа и жены освобождается от всего внешнего, постороннего, навязанного, случайного. Один перестает заедать жизнь другого. Устанавливается, наконец, подлинное равноправие. Связь определяется только взаимным влечением. Но именно потому она приобретает внутреннюю устойчивость—конечно, не для всех одинаковую и ни для кого не принудительную.

Таким образом, путь к новой семье—двойной: а) культурное воспитание класса и личности в классе и б) материальное обогащение класса, организованного в государство. Оба эти процесса тесно связаны друг с другом.

Сказанное выше никак не означает, разумеется, будто существует известный момент материального развития, начиная с которого семья будущего сразу вступает в свои права. Нет, известное движение в сторону новой семьи возможно уже и сейчас. Правда, государство еще не может на себя взять ни общественного воспитания детей, ни создания общественных кухонь, которые были бы лучше семейной кухни, ни создания общественной прачешной, где бы не рвали и не воровали белья. Но это вовсе не значит, что наиболее инициативные и прогрессивные семьи не могут группироваться уже сейчас на коллективной хозяйственной основе. Такие опыты должны делаться, разумеется, очень осторожно, так чтобы технические средства коллективного оборудования сколько-нибудь соответствовали интересам и потребностям самой группировки и давали бы явные для всех ее членов выгоды, хотя бы и скромные на первых порах.

„Задачу эту,—писал недавно т. Семашко по поводу необходимости перестройки нашего семейного быта,—лучше

всего вести показательным путем: одними распоряжениями и даже одной проповедью здесь мало чего достигнешь. Но пример, показательный образец здесь сделают больше, чем тысячи хороших брошюр. Эту показательную пропаганду лучше всего вести по тому методу, который хирурги в своей практике называют „трансплантацией." При обнаженной от кожи большой поверхности (от ранения или ожога), когда нет надежды, чтобы кожа покрыла такое большое пространство, они вырезывают кусочки кожи со здорового места и островками прикладывают ее к обнаженной поверхности: кожа приживает и от этих островков начинает разрастаться по сторонам; таким образом островки делаются все больше и больше и, наконец, вся поверхность покрывается кожей.

То же произойдет и при этой показательной пропаганде: если фабрика или завод установят у себя коммунистический быт, за ними потянутся и другие фабрики".

(„Известия ВЦИК", № 81, от 14/IУ—23 г.
Н. Семашко, „Мертвый хватает живого").

Опыт таких семейно-хозяйственных коллективов, представляющих первое, очень еще несовершенное приближение к коммунистическому быту, должен тщательно изучаться и внимательно продумываться. Комбинация частной инициативы с поддержкой государственной власти, прежде всего местных советов и хозяйственных органов, должна стоять на первом плане. Новое домостроительство—а мы начнем же все-таки строить дома!—должно быть заранее сообразовано с потребностями семейно-групповых общежитий. Первые сколько-нибудь явные и бесспорные успехи в этом направлении, хотя бы и очень ограниченные по масштабу, вызовут неизбежно стремление более широких кругов устроиться таким же образом. Для плановой инициативы сверху вопрос еще не созрел—ни со стороны материальных рессурсов государства, ни со стороны подготовленности самого пролетариата. Сдвинуть дело с мертвой точки можно в настоящий момент только созданием показательных общежитий. Почву под ногами придется укреплять шаг за шагом, не зарываясь слишком вперед и не впадая в бюрократическую

фантастику. В известный момент этим процессом овладеет государство—при содействии местных советов, кооперации и пр.—обобщит сделанную работу, расширит и углубит ее. Таким путем человеческая семья совершит, говоря словами Энгельса, „скачек из царства необходимости в царство свободы".

VI. Семья и обрядность.

Церковная обрядность держит даже и неверующего или мало верующего рабочего на привязи через посредство трех важнейших моментов в жизни человека и человеческой семьи: рождение, брак, смерть. Рабочее государство отвернулось от церковной обрядности, заявив гражданам, что они имеют право рождаться, сочетаться и умирать без магических движений и заклинаний со стороны людей, облаченных в рясы, сутаны и другие формы религиозной прозодежды. Но быту гораздо труднее оторваться от обрядности, чем государству. Жизнь трудовой семьи слишком монотонна (однообразна) и этой монотонностью своей истощает нервную систему. Отсюда потребность в алкоголе: небольшая склянка заключает в себе целый мир образов. Отсюда же потребность в церкви с ее обрядностью. Как ознаменовать брак или рождение ребенка в семье? Как отдать дань внимания умершему близкому человеку? На этой потребности отметить, ознаменовать, украсить главные вехи жизненного пути и держится церковная обрядность.

Что противопоставить ей? Разумеется, суевериям, лежащим в основе обрядности, мы противопоставляем материалистическую критику, атеистически-действенное отношение к природе и ее силам. Но этой научно-критической пропагандой вопрос не исчерпывается: во-первых, она пока захватывает и еще довольно долго будет захватывать лишь меньшинство; во-вторых, и у этого меньшинства остается потребность украсить, приподнять, облагородить личную жизнь, по крайней мере в ее наиболее выдающихся этапах.

Рабочее государство уже имеет свои праздники, свои процессии, свои смотры и парады, свои символические зрелища, свою новую государственную театральность. Правда, она еще во многом слишком тесно примыкает к старым формам, подражая им, отчасти непосредственно продолжая их. Но в главном революционная символика рабочего государства нова, ясна и могущественна: красное знамя, серп и молот, красная звезда, рабочий и крестьянин, товарищ, интернационал. А в замкнутых клетках семейного быта этого нового почти еще нет, во всяком случае, слишком мало. Между тем, личная жизнь тесно связана с семьей. Этим и об'ясняется, что в семье нередко берет в бытовом отношении перевес по части икон, крещения, церковного погребения и пр. более консервативная сторона, ибо революционным членам семьи нечего этому противопоставить. Теоретические доводы действуют только на ум. А театральная обрядность действует на чувство и на воображение. Влияние ее, следовательно, гораздо шире. В самой коммунистической среде поэтому нет-нет да и пробуждается потребность противопоставить старой обрядности новые формы, новую символику не только в области государственного быта, где это уже имеется в широкой степени, но и в сфере семьи. Есть среди рабочих движение за то, чтобы праздновать день рождения, а не именины, и называть новорожденного не по святцам, а какими-либо новыми именами, символизирующими новые близкие нам факты, события или идеи. На совещании московских агитаторов я впервые узнал, что новое женское имя Октябрина приобрело уже до известной степени права гражданства. Есть имена Нинель (Ленин в обратном порядке). Называли имя Рэм (революция, электрификация, мир). Способ выразить связь с революцией заключается также и в наименовании младенцев именем Владимир, а также Ильич и даже Ленин (в качестве имени), Роза (в честь Люксембург) и пр. В некоторых случаях рождение отмечалось полушутливой обрядностью, „осмотром" младенца при участии фабзавкома и особым протокольным „постановлением" о включении новорожденного в число граждан РСФСР. После этого открывалась пирушка.

Поступление сына в ученики тоже иногда отмечается праздником в рабочей семье. Событие действительно исключительно важное как связанное с выбором профессии, жизненного пути. Тут место вступиться профессиональному союзу. Можно вообще не сомневаться, что именно профессиональные союзы будут занимать видное место в творчестве и организации форм нового быта. Средневековые цехи тем и были могущественны, что охватывали жизнь ученика, подмастерья, мастера со всех сторон. Они встречали новорожденного в первый день его жизни, провожали его к дверям школы, сопровождали его в церковь, когда он женился, и хоронили его, когда он завершал свое трудовое поприще. Цехи были не просто ремесленными об'единениями, а организованным бытом. В эту же сторону пойдет, вероятно, в значительной степени развитие наших производственных союзов, с тою, конечно, разницей, что новый быт, в противоположность средневековому, будет совершенно свободен от церкви и ее суеверий, и в основу его будет положено стремление использовать для обогащения и украшения жизни человека каждое завоевание науки и техники.

Женитьба, пожалуй, легче обходится без обрядности. Хотя и здесь сколько было „недоразумений" и исключений из партии по поводу венчания в церкви. Не хочет мириться быт с „голым" браком, неукрашенным театральностью.

Несравненно труднее обстоит дело с погребением. Хоронить в землю неотпетого так же непривычно, чудно и зазорно, как и растить некрещенного. В тех случаях, когда похороны, в соответствии с личностью умершего, получают политическое значение, на сцену выступает новая театральная обрядность, пропитанная революционной символикой: красные знамена, революционный похоронный марш, прощальный ружейный залп. Некоторые из участников московского собеседования подчеркивали необходимость скорейшего перехода к сжиганию трупов и предлагали начать, для примера, с выдающихся работников революции, справедливо видя в этом могущественное орудие антицерковной и антирелигиозной пропаганды. Но, конечно, и сжигание трупов,—к чему пора бы действительно перейти,—не будет означать отказа от

процессий, речей, марша и салютной стрельбы. Потребность во внешнем проявлении чувств могущественна и законна.

Если бытовая театральность в прошлом была всегда теснейшим образом связана с церковью, то это вовсе не значит, как уже сказано, что они не могут быть разобщены. Отделение театра от церкви произошло гораздо раньше, чем отделение церкви от государства. Церковь первое время чрезвычайно боролась против „светского" театра, вполне основательно видя в нем опасного конкурента по части постановки зрелищ. Театр выжил, но как специальное зрелище, замкнутое в четырех стенах. В быту же, в повседневной жизни монополию театральных постановок сохраняла попрежнему церковь. С ней конкурировали по этой части некоторые „тайные" общества в роде франк-масонов. Но они сами насквозь проникнуты светской поповщиной. Создание революционной бытовой „обрядности" (возьмем это слово за неимением лучшего) и противопоставление ее обрядности церковной достижимо не только в отношении событий общественно-государственного характера, но и в отношении семейных событий. Уже и сейчас оркестр, выполняющий похоронный марш, способен, как оказывается, нередко конкурировать с церковным отпеванием. И мы должны, конечно, сделать оркестр нашим союзником в борьбе против церковной обрядности, основанной на рабьей вере в иной мир, где воздадут сторицей за зло и подлости земного мира. Еще более могущественным нашим союзником будет кинематограф.

Творчество новых форм быта и новой театральности быта пойдет в гору вместе с распространением грамотности и ростом материальной обеспеченности. У нас есть все основания следить за этим процессом с величайшим вниманием. Не может быть, конечно, и речи о каком-либо принудительном вмешательстве сверху, т.-е. о бюрократизации новых бытовых явлений. Только коллективное творчество самых широких кругов населения с привлечением к этому делу артистической фантазии, творческого воображения, художественной инициативы, может постепенно, в течение годов и десятилетий, вывести нас на дорогу новых, одухотворенных, облагоро-

женных, проникнутых коллективной театральностью форм быта. Но не регламентируя этого творческого процесса, нужно уже сейчас всячески помогать ему. А для этого необходимо опять-таки, прежде всего, чтобы он из слепого стал зрячим. Нужно внимательно следить за всем, что совершается по этой части в рабочей семье, в советской семье вообще. Всякие новые формы, зародыши новых форм и даже намеки на них должны попадать на страницы печати, доводиться до всеобщего сведения, пробуждать фантазию и интерес и тем толкать коллективное творчество новых бытовых форм вперед.

Комсомолу в этой работе честь и место. Не всякая выдумка окажется удачной, не всякая затея привьется. Что за беда? Необходимый отбор будет итти своим чередом. Новая жизнь усыновит те формы, которые придутся ей по душе. В результате жизнь станет богаче, лучше, просторнее, красочнее, звучнее. А ведь в этом вся суть.

VII. Борьба за культурность речи.

На днях я прочитал в одной из наших газет: „На общем собрании рабочих обувной фабрики „Парижская Коммуна“ решено уничтожить ругань, за „выражения“ штрафовать и пр...“.

Факт маленький в вихре нашего времени и в масштабе „выражений“ лорда Керзона, за которые его нельзя еще пока оштрафовать, но факт знаменательный. Значение его определится, однако, вполне лишь в зависимости от того, какой отклик найдет эта инициатива.

Брань есть наследие рабства, приниженности, неуважения к человеческому достоинству, чужому и собственному. А наша российская брань—в особенности. Надо бы спросить у филологов, лингвистов, фольклористов, есть ли у других народов такая разнузданная, липкая и скверная брань, как у нас. Насколько знаю, нет, или почти нет. В российской брани снизу—отчаяние, ожесточение и, прежде всего, рабство без надежды, без исхода. Но та же самая брань сверху, через дворянское, исправницкое горло, являлась выражением сословного превосходства, рабовладельческой чести, незыблемости основ... Пословицы, говорят, выражение народной мудрости,—не только мудрости, однако, но и темноты, и предрассудков, и рабства. „Брань на вороту не виснет“,—говорит старая русская пословица, и в ней отражается не только факт рабства, но и примиренность с ним. Два потока российской брани: барской, чиновницкой, полицейской,

сытой, с жирком в горле—и другой—голодной, отчаянной, надорванной,—окрасили всю жизнь российскую омерзительным словесным узором. И наследство такое, в числе многого другого, получила революция.

А революция ведь есть, прежде всего, пробуждение человеческой личности в тех массах, которым ранее полагалось быть безличными. Революция, несмотря на всю, иногда, жестокость и кровавую беспощадность своих методов, есть, прежде всего и больше всего, пробуждение человечности, ее поступательное движение, рост внимания к своему и чужому достоинству, рост участия к слабому и слабейшему. Революция—не революция, если она всеми своими силами и средствами не помогает женщине, вдвойне и втройне угнетенной, выйти на дорогу личного и общественного развития. Революция—не революция, если она не проявляет величайшего участия к детям: они-то и есть то будущее, во имя которого революция творится. А можно ли изо дня в день творить—хотя бы по частицам и по крупицам—новую жизнь, основанную на взаимном уважении, самоуважении, на товарищеском равенстве женщины, на подлинной заботе о ребенке в атмосфере, где громыхает, рыкает, звенит и дребезжит ничего и никого не щадящая барско-рабская всероссийская брань? Борьба с „выражениями“ является такой же предпосылкой духовной культуры, как борьба с грязью и вошью—предпосылкой культуры материальной.

Искоренить словесную разнузданность, совсем не простая и не легкая задача, потому что корни этой разнузданности не в слове, а в психике и в быту. Почин фабрики „Парижская Коммуна“ надо, конечно, всячески приветствовать, но, главное, надо пожелать инициаторам выдержки и упорства, ибо психические навыки, переходившие из поколения в поколение и по сей день насыщающие всю атмосферу, искоренять нелегко, а мы ведь часто рванемся вперед, надорвемся, махнем рукой и оставляем все по-старому.

Надо надеяться, что женщины-работницы и, прежде всего, коммунистки поддержат инициативу „Парижской Коммуны“. Можно сказать, что по общему правилу,—конечно, исключения бывают,—сквернослов и ругатель презрительно относится

к женщине и без внимания к ребенку, и это не только в отсталых массах, но нередко и среди передовиков, а встречается иной раз и у очень „ответственных“. Нельзя ведь отрицать того, что старая отечественная фразеология (Щедрин называл ее митирогнозией) развита у нас и ныне, на шестом году после Октября, и притом даже на так-называемых „верхах“. За пределами города, особенно столичного, иные „сановники“ считают даже как бы долгом своим „выражаться“ направо и налево, видя в этом, очевидно, один из путей смычки с крестьянством...

Жизнь наша крайне противоречива в хозяйственной своей основе и в культурных своих формах. У нас, в центре страны, под Москвой, огромные болотные пространства, непроездные проселки и тут же, рядом, заводы, поражающие своей техникой европейского или американского инженера. Такие же контрасты и в наших нравах. И не только в том смысле, что бок-о бок с Кит Китычем-младшим, прошедшим через революцию, экспроприацию, мошенничество, подпольную спекуляцию, спекуляцию легализованную и сохранившим почти в неприкосновенности свое утробно-замоскворецкое естество, мы видим лучший тип рабочего-коммуниста, живущего изо дня в день интересами мирового рабочего класса и готового в любой момент сражаться за дело революции в любой стране, которой он сам, может быть, не сыщет на карте. Рядом с этим социальным контрастом — тупого свинства и высочайшего революционного идеализма—мы можем нередко наблюдать психические контрасты в одной и той же голове, в одном и том же сознании. Искренний и преданный коммунист, но женщины для него — „бабье“ (словцо-то какое гнусное!), о котором серьезно говорить не приходится. Или в национальном вопросе заслуженный коммунар нечаянно отрыгнет вдруг такой угрюм-бурчеевщиной, что хоть из комнаты беги. Происходит это оттого, что разные области человеческого сознания изменяются и перерабатываются вовсе не параллельно и не одновременно. Тут тоже есть своя экономия. Психика весьма консервативна, и под влиянием требований и ударов жизни изменяются в первую голову лишь те области сознания, которые непосредственно под

эти удары подставлены. Наше же социальное и политическое развитие последних десятилетий шло в совершенно небывалом и невиданном темпе, с небывалыми и невиданными переломами и скачками. Оттого-то так глубоки наши Разруха и Неразбериха. Но было бы неправильно думать, будто эти две сестры хозяйничают только в производстве или в госаппарате. Нет, нечего греха таить, они действуют и в головах, порождая самые невероятные сочетания передовых, искренних и продуманных убеждений (тут мы Европу и Америку кое-чему учим!) с настроениями, навыками и отчасти взглядами, истекающими прямехонько из Домостроя. Выравнять идейный фронт, т.-е. проработать все области сознания марксистским методом,—такова общая формула воспитания и самовоспитания, прежде всего для нашей собственной партии, начиная с ее верхов. И опять-таки задача эта страшно сложная и одними школьными или литературными средствами она не разрешима, ибо последние корни противоречий и несогласованности психики—в разрухе и неразберихе быта. Сознание-то, в конце концов, определяется бытием. Но зависимость тут не механическая и не автоматическая, а действенная или взаимодейственная. Подходить к разрешению задачи нужно поэтому с разных концов, в том числе и с того, с какого подошли рабочие фабрики „Парижская Коммуна".

Пожелаем же им успеха!

P. S. Борьба с ругательствами есть в то же время составная часть борьбы за чистоту, ясность и красоту речи.

Реакционные тупицы утверждают, что революция если не погубила, то губит русский язык. В обиход у нас действительно вошло необ'ятное количество новых случайного происхождения слов, иногда явно лишних, провинциальные выражения, иногда в корне враждебные духу языка, и пр. Реакционные тупицы ошибаются, однако, насчет судеб русского языка так же, как и насчет всего остального. Из революционных потрясений язык выйдет окрепшим, омоложенным, с повышенной гибкостью и чуткостью. Наш предреволюционный, явно окостеневавший, канцелярский и либерально-газетный язык обогатится,—уже обогатился в значительной

мере, — новыми словесно-изобразительными средствами, новыми, гораздо более точными и динамическими выражениями. Но несомненно, что и засорение языка произошло за эти бурные годы немалое. Рост нашей культурности должен и будет выражаться, между прочим, и в извержении из словаря нашей речи всех ненужных или чуждых ее природе слов и выражений, с сохранением неоспоримых и неоценимых языковых завоеваний революционной эпохи.

Язык есть орудие мысли. Точность и правильность языка есть необходимое условие правильности и точности самой мысли. К власти у нас пришел впервые в истории рабочий класс. Он принес с собой богатый запас трудового жизненного опыта и речи, на этом опыте выросшей. Но он же принес с собой недостаточную грамотность, не говоря уже о литературной образованности. Вот почему правящий рабочий класс, дающий всей своей социальной природой гарантии дальнейшего могущественного развития русской речи, не всегда оказывает пока-что необходимый отпор проникшим в обиходный и газетный язык словам и выражениям — лишним, ненужным, неправильным, а иногда и отвратительным. Когда у нас говорят теперь, — и даже пишут! — „пара недель", „пара месяцев" (вместо: несколько недель, несколько месяцев), то это безобразно, нелепо, не обогащает язык, а делает его беднее, так как слово „пара" лишается при этом своего необходимого значения (в смысле: пара сапог). У нас употребляется теперь вкривь и вкось слово „выявить", вместо десятка других гораздо более точных русских слов: обнаружить, вскрыть, проявить, обозначить и пр. У нас говорят: фиксировать, вместо: условиться, закрепить, установить, определить, назначить и т. д. У нас в обиход речи вошли грубые неправильности, происходящие от переделки иностранного слова на более или менее близкий звуковой лад. Так, у нас нередко прекрасные рабочие ораторы говорят: к о н с т а н т и р о в а т ь, вместо: к о н с т а т и р о в а т ь; и н ц и н д е н т, вместо: и н ц и д е н т; и наоборот, и н с т и к т, вместо: и н с т и н к т; л е г у л и р о в а т ь и л е г у л я р н ы й, вместо: р е г у л и р о в а т ь и р е г у л я р н ы й. Эти искажения в рабочей среде были в ходу и раньше, до революции. Но теперь они

как бы приобретают право гражданства. Такие и подобные ошибочные выражения никем не исправляются, по соображениям, очевидно, от ложного самолюбия. Это не годится: борьба за грамотность и культурность должна означать для передового слоя рабочих борьбу за овладение русским языком во всем его богатстве, во всей его гибкости и тонкости. Первым условием для этого должно быть извержение из живой повседневной речи неправильных, чужеродных слов и выражений. Язык тоже нуждается в своей гигиене. А рабочий класс нуждается в здоровом языке не меньше, а больше всех других классов, ибо впервые в истории рабочий класс начинает продумывать своей мыслью всю природу, всю жизнь до самых ее основ: для этой работы нужен инструмент ясного, чистого, отточенного слова.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Вопросы и ответы о рабочем быте.

В предисловии уже указывалось, что главным материалом для этой работы явилось собеседование с группой московских партийных агитаторов-массовиков*). Они же дали письменные ответы на поставленные мною вопросы. Для обоснования некоторых выводов брошюры я считаю целесообразным привести здесь хотя бы наиболее существенные выдержки из стенограмм совещания и из анкетных ответов. Материал этот имеет, на мой взгляд, и самостоятельный интерес.

* * *

*) Их список:

1. Антонов (рабочий вагонных мастерских Октябрьской ж. д).
2. Борисов (секретарь ячейки завода „Динамо").
3. Гордеев (заведующий агитотделом Орехово-Зуевского Укома).
4. Гордон (заведующая Организацион. отделом Сокольнического Райкома).
5. Дорофеев (секретарь Московского Совета).
6. Захаров (секретарь Рогожско-Симоновского Райкома).
7. Иванов (член ячейки фабрики „Парижская Коммуна").
8. Казаков (секретарь ячейки фабрики „Парижская Коммуна").
9. Казанский (секретарь ячейки фабрики „Красная Звезда").
10. Кобозев (секретарь ячейки Озерской фабрики Коломенского уезда).
11. Кольцов (член Московского Комитета).
12. Коробицын (рабочий зав. „АМО").
13. Кульков (секретарь ячейки завода „Красный Поставщик").
14. Лагутина (член завкома ф-ки „Красная Звезда").

ВОПРОС № 1:

На какого рода книжки и брошюрки наблюдается особенный спрос?

Каких книжек особенно нехватает в наших рабочих библиотеках?

Читают ли рабочие беллетристику?

Какие авторы являются наиболее популярными?

Имеется ли достаточное количество необходимой беллетристики?

ОТВЕТЫ:

Лысенко:

В рабочих библиотеках книжек мало, плохо сброшюрованы, без переплета, плохая бумага и шрифт.

Казаков:

Наблюдается интерес к тем брошюрам, в которых вопрос изложен самым простым языком, коротко и понятно, и которые напечатаны крупным шрифтом. Библиотеки же переполнены всем, чем хотите, но не подходящим для рабочих.

Иванов:

Спрос больше на произведения Рубакина, но их имеется очень мало. Из антирелигиозной литературы большим спросом пользуются произведения Демьяна Бедного.

---

15. Левицкий (председатель завкома завода „Геофизика").
16. Лидак (член контрольной комиссии МК).
17. Лысенко (организатор жел. дор. групп при Красно-Пресненск. Райкоме).
18. Маринин (секретарь ячейки завода „Рускабель").
19. Марков (председатель Отдела Губсоюза Текстильщиков).
20. Осипов (групповой организатор Баумановского района).
21. Оснас (рабочий Электрической станции 1886 г.).
22. Станкевич (1-я Образцовая типография).
23. Финковский (агитатор при Московском Комитете, свердловец).
24. Цейтлин (зав. женотделом МК).
25. Алексеев (председатель Дорпрофсожа Каз. ж. д.).

Оснас:

Из революционной литературы читается все наиболее живое и увлекательно написанное (Сверчков, Шаповалов). „Пролетарскую Революцию" читают немногие: запугивают серьезность журнала и отсутствие системы в подборе материала, что затрудняет ориентировку в событиях и делает воспоминания непонятными.

Из беллетристики для взрослых рабочих на первом месте Уптон Синклер.

Используя опыт и горизонт рабочего, выросшего в революции, нужно издать книжки, подготовительные к пропаганде материализма и марксизма.

Марков:

. Для приучения рабочего к чтению нужно описывать, чтобы было не скучно, мучения и пытки отдельных товарищей борцов за рабочее дело в подпольное время, следование в ссылку, бегство из нее, приключения в дороге и пр. *).

Антонов:

Нужны передвижные библиотеки для мастерских.

---

*) Это верно! Молодежь, и не только молодежь, нужно познакомить с прошлой революционной борьбой в героических эпизодах и героических образах. Истпарт выполняет работу огромной важности, но собираемые им документы и материалы для немногих. Будущий историк на основании этих материалов даст законченную книгу по истории нашей партии и, надо думать, не одну книгу. Однако, мы этого законченного труда дожидаться не можем. Нам нужны сейчас живые очерки на основании этих материалов: биографии, написанные как героические поэмы, и отдельные главы нашего коллективного революционного романа, наиболее захватывающего из всех романов истории. Нужно привлечь художников, беллетристов, поэтов с революционной жилкой к разработке этой темы. Беглая книга Джона Рида, десятидневная глава Октябрьской Революции, является поистине неоценимым вкладом в библиотеку молодого поколения. Подобного рода монографии, биографии и историко-революционные очерки, насыщенные драматическим содержанием, будут с успехом конкурировать с революционной и полуреволюционной беллетристикой, которой так мало. Перед этой последней они имеют то преимущество, что их завязка и развязка написаны самой жизнью. Л. Т.

Кульков:

Спрашивают книги по политэкономии, о новом землеустройстве, литературу на темы повседневной жизни, по санитарным вопросам, по вопросам приспособления к работе, как надо жить в семье отцу и матери по отношению к детям, как удешевить прожитие при настоящем заработке, о профессиональном и советском строительстве. Все это должно быть популярно изложено, коротко, четко и с рисунками. Для коммунистов, политически мало подготовленных, нет систематизированной подобранной литературы по изучению партии, историческому материализму, профдвижению и пр. Нет соответствующих указателей.

Очень мало подобранной литературы Д. Бедного.

Лагутина и Казанский:

Процент читающих книги рабочих невысок. Среди коммунистов этот процент еще ниже (ссылки на перегруженность собраниями и пр.).

Наибольший спрос на героически-революционную беллетристику.

От Достоевского молодежь отходит с неприязненным отношением.

Политическая литература идет туго.

Повсюду силен спрос на прикладную литературу: техника, хозяйство, быт рабочего.

Большая тяга к научной литературе (астрономия, происхождение земли и человека).

Теплое отношение к популярной антирелигиозной литературе.

Гордеев:

Я помню, как в Красной Армии проходила популярная литература. Приходил крестьянский сын, и он знал, что патриарх Тихон проклял большевиков, а между тем самой популярной литературой были антирелигиозные стихи Д. Бедного. Зачитывались эти стихи до такой степени, что от них ничего не оставалось. Политбюро и ЦК нашей партии

может вернуть Д. Бедного из его бессрочного отпуска и заставить его писать на антирелигиозные темы. Крестьяне эту литературу Д. Бедного до сих пор очень сильно читают. Есть, понятно, и другая литература: о происхождении мира и разных мифов. Но если эти мифы будут изложены Д. Бедным в хорошем стихотворении, то это будет понятнее рабочему и крестьянину. Демьян Бедный как-то умеет все перевернуть, и пора ему из бессрочного отпуска вернуться, а то он один глаз прищурил в „Крокодиле" и пишет, что его отпустил РВСР.

Кульков:

По отношению к крестьянству—у крестьянина какое положение? Мы сунулись в библиотеки, а там нет ни одной книжки по хозяйственному вопросу, а между тем эти вопросы его больше всего интересуют. Раньше он, может-быть, не имел коровы, а теперь голод заставил его приобрести корову и лошадь,—он должен знать, как культурнее вести это хозяйство. Нам не нужно издавать большие томы, страниц в 200—300, нужно хотя бы в 3 страницы все это уложить, но так, чтобы было понятно. То же самое можно сказать и в отношении рабочих.

Осипов:

Вплотную подходят к книге рабочие, когда разговор ведется о семье. Таких разговоров ведется очень много, и здесь они хотят какую-нибудь книжку. Я не знаю таких книг, а между тем такие книги очень нужны, хотя бы коротенькие книжки, небольшие, но которые большинство могло бы прочитать.

Лысенко:

Теперь об явлениях улицы. Мы часто не обращаем внимания, как дети балуются на улице, и какие явления здесь бывают,—иногда хорошие, а иногда и нет. Например, играют в Красную Армию,—это хотя как-будто и отзывается „милитаризмом", но это все же хорошо, а иногда вот бывает и

другое, бывают другие игры, похуже, но им никто не говорит об этом. Нужно знать, как подойти к этому вопросу, чтобы направить их, нужно знать, что дать им читать,— может быть, в смысле физкультуры или что-нибудь другое, что было бы полезно. По-моему, больше всего внимания нужно обращать на мелочные вопросы, потому что часто нам говорят, что вы, мол, все говорите о широких материях, а вы лучше говорите о том, что поближе к жизни. Нужно на мелочи жизни обратить внимание.

Марков:

Признаться, так дочитался, что надоела одна пища, хотя и хорошая. Есть пословица: ешь-ешь телятинку, а захочешь и поросятинки. Так и здесь. Вглядитесь в нашу литературу,—там все какие-то ученые статьи, от которых голова кружится. Если вы подойдете к газете, то же самое. Обедаешь и в газету смотришь, а положил газету и забыл, не только на какой строке и на какой фразе остановился, а даже, какую статью читаешь. Необходимо разнообразие. Я нашел недавно книжку,—кажется, Сверчкова, „Пять лет революции". Некогда читать, занят по горло, пока успеешь пообедать, прочтешь руководящие статейки в газетах, а от этой книжки не можешь оторваться. Газету читал за чаем, а книжку дома. Взял за правило: перед тем, как лечь спать, почитать хоть 10 минут эту книжку, а забываешь, что и спать нужно.

Мне часто приходится выступать на общих собраниях рабочих. И когда говоришь о концентрации, об оздоровлении промышленности, то говорят: почему сырья нет, куда же его девали или разворовали? Такого видного момента никто, как следует, не осветил. Конечно, делались попытки, но я сам не пойму, почему нет сырья. Если не было летось, то война была виновата, а почему же в 23 году нет?—Войны нет. И как хлопок сеется, и что для этого нужно? Вот такой важный момент для Московской губернии никем на понятном языке освещен не был, никто не задавался целью популярно изложить, как сеялся хлопок, почему его не стало, где и что нужно, чтобы можно было его сеять.

ВОПРОС № 2.

Какие из наших газет рабочие читают особенно охотно?
Что именно читают рабочие в первую голову?
Какие отделы в наших газетах нужно развить и расширить?
Доступны ли телеграммы Роста читателям рабочим?
Не требуется ли в этом отношении решительное изменение характера нашей телеграфной информации?
Как широко распространяется профессиональная печать?
Читается ли она рабочими?

ОТВЕТЫ:

Маринин:

Рабочие жалуются на плохую печать (шрифт).

Казаков:

Профессиональная печать читается, как кости глотаются Приходится распространять уловкой, т.-е. искусственно.

Марков:

Пожалеешь места в газете (для раз'яснения непонятных фактов и слов),—всю газету рабочий бросит.

Дорофеев:

Необходимо больше освещать вопросы о том, как на Западе,—например, в Германии,—высоко поднята культура: садовая, полевая и пр., хотя бы для сравнения с нашим примитивным сельским хозяйством.

Следует писать о быте рабочих Запада, об их культуре вообще, жилищных условиях, о том, как и где они проводят свободное время и об их революционности. Писать нужно не так общо, как у нас принято.

Кольцов:

Желательно создать страничку внутренней жизни (быта) рабочего массовика и необходимо издавать особую газетку

хотя бы еженедельную, или журнальчик научно-производственного характера с полит.-просвет. отделом.

Антонов:

„Гудок" в первую очередь начинают читать с мелочей и мелочишек.

Деловых статей, понятных для рабочего, по естественной науке мало.

Телеграфную информацию нужно свести до минимума.

Развитие стенных газет местного содержания в мастерских, с участием самих рабочих, покажет в скором времени положительную и отрицательную сторону газетной работы.

Финковский:

В телеграммах Роста рабочему прежде всего должно быть ясно сказано, откуда телеграмма и кто ее автор. Это для многих рабочих остается тайной. Он не знает подчас, свои или чужие суют ему новости. Следует в конце телеграммы, либо в начале, давать краткую оценку. Этим отчасти будет изменен и характер телеграфной информации.

Захаров:

Телеграммы Роста не совсем понятны. Пишут их корреспонденты, которые очень любят такие слова, об'яснение которых прочитаешь в словаре и то не поймешь. Так что телеграфную информацию изменить необходимо, приняв во внимание, что рабочим такие слова, как, например, „провинция", „плацдарм", „бассейн", не весьма понятны, и они не представляют перед собой географической карты.

Кульков:

Телеграмм в большинстве рабочие не понимают, ибо не знают, что из себя представляет каждое агентство заграничной печати. Требуется ввести в печати элементарное понятие о Росте и др. агентствах.

Профессиональная печать распространяется неаккуратно, распространяется в-навязку, рабочими она не читается, а

читается очень и очень немногими. Здесь нужно коренное изменение печати по отношению постановки обсуждаемых вопросов.

О стачках и революционном движении за границей сообщения не совсем удовлетворяют рабочего, иногда пишут начало, не пишут конца, или пишут очень коротко. Пишут о крупных отраслях промышленности, совершенно не освещая более мелкой: кожевенной, деревообделочной, портновской.

Лагутина и Казанский:

По размерам распространения на первом месте „Рабочая Москва", „Рабочая Газета" и „Юношеская Правда". Сравнительная дешевизна этих газет и простота изложения—основы их успеха.

Стенная газета, там, где она есть, наиболее близкая газета.

Телеграммы Роста нужно перешерстить: излагать простым языком и если делать пояснения, то делать понятные, а не задавать ими новых загадок.

Антонов:

Почему вопрос о быте не выяснялся на страницах печати? Я думаю, что это потому, что если дать на страницах печати описание семейной жизни рабочих, то надо войти в психологию рабочих теперешнего времени. Конечно, это вещь очень трудная и подойти трудно. В будущем это положение изменится, но сейчас для писателя легче говорить по текущему моменту, чем входить в психологию рабочего. Поэтому так редко встречаются такие статьи в печати.

Кобозев:

В иностранной информации чувствуется тот недостаток, что рабочий плохо запоминает города, часто путает место сообщения с местом события.

Маринин:

Интересуются тем, что делается в Америке, в Англии, что там изобретено, а об этом у нас в газетах мало пишут. За-

тем интересуются тем, как живут американские рабочие, французские, а у нас в газетах пишут только о забастовках. Вообще о быте рабочих мало пишут.

Кольцов:

Главное нужно популяризировать вопрос, как нужно работать.

Борисов:

Например, пишут: „Таймс" помещает такую и такую-то телеграмму. Это ничего не говорит моему сердцу, какого направления эта газета. Или, например, происходил Амстердамский с'езд, ему посвящена статья. Что же товарищи читали ее?—Нет. А надо сделать так, чтобы к меньшевикам была ненависть у рабочих. Или вот в связи с Англией было много статей, а написанных популярным языком не было ни одной заметки на тему, чего от России требует Керзон.

Лысенко:

Я хочу сказать, что читают рабочие в газете, и чем их заинтересовать. Тут, конечно, самым главным для них является, как научиться хорошо работать.

Я был рабочим корреспондентом. Хотел выяснить свою психологию: у меня жена, дети, я обрисовал положение, но когда я дал таких 10 заметок, то мои заметки пошли в корзину. Тогда и я стал подходить к вопросу так, как это делается другими корреспондентами, давал общий обзор жизни нашей фабрики и говорил о влиянии коммунистической партии. Конечно, это страшно мешает корреспондентским заметкам. Лучше было бы коммунистическую подкраску давать от редакции, а не коверкать того, что пишут корреспонденты.

(Фамилия оратора не записана):

Профессионального журнала у нас никто не читает. С одной стороны, они повторяют зады того, что есть в газетах, с другой стороны, не освещают настоящего быта: та-

рифа, повышения и понижения заработной платы, фабрично-заводскую работу и т. д.

(Фамилия оратора не записана):

Рабочие смотрят происшествия. Почему это их интересует? Да потому, что это в Москве совершается, это круг их жизни, и в связи с этими вопросами можно было бы развить кое-что. О Комарове сухо писали, не писали о том, что он за человек, говорили только, что он богу молился, а почему он стал таким зверем,—этого нет. Рабочий задает вопрос: почему он таким стал,—как ответить, сам ничего не знаешь, а газеты это могли бы дать; к этому делу можно было бы привлечь профессоров, которые бы дали ответ на этот вопрос. Товарищи говорили об „организации труда". Есть такой отдел. Рабочие читают этот отдел, они подходят к нему серьезно, но, читая известия этого отдела, иногда смеяться приходится, так как на практике редко можно применить то, что написано. Но иногда все же можно применить. У нас на заводе, например, один, прочитавши указание, что вместо того, чтобы пилить двумя руками, можно пилить одной рукой, сначала посмеялся над этим, а потом попробовал и начал работать. Иногда, значит, из таких указаний можно и пользу получить, и этим рабочие интересуются.

ВОПРОС № 3:

Каково житейское отношение рабочих к проявлениям НЭП'а?

Много ли разговоров о новой буржуазии?

Выражают ли опасения по части возможного восстановления ее господства?

ОТВЕТЫ:

Маринин:

К нэпманам и проявлениям НЭП'а в том числе, если это проявление наблюдается на „совбурах", отношение рабочих резко-отрицательное.

Более равнодушное отношение наблюдается среди стариков (50—70 лет), которые вообще настроены консервативно, но тоже не все.

Казаков:

Разговор о новой буржуазии идет лишь тогда, когда рабочий видит нарушение его завоеваний, т.-е. в праздничный день в дачных местностях, где один за другим шныряют полно нагруженные кисейными барышнями автомобили.

Кольцов:

Отсюда (кутежи трестовиков, директоров, спецов и пр.) одна из причин недовольства и иногда нервозности к ячейкам РКП и отсюда трудность нашей агитации на местах, внизу, в гуще.

Захаров:

Как-то инстинктивно рабочие жмутся к кооперации и настойчиво требуют улучшения этого дела. Если кооперация не оправдает надежд рабочего и не станет на крепкие ноги, то рабочие будут покупать у нэпмана, и их рынок удовлетворит рабочего. Вот тут есть опасность, что рабочие будут симпатизировать НЭП'у.

Кульков:

Опасения к возврату буржуазии есть, особенно когда рабочий слышит со стороны новой и старой буржуазии насмешки по отношению к тяжелой жизни рабочих и т. д.

Рабочий очень интересуется кооперацией, а вместе с тем, и ее работой, которая в организационном отношении не проводится, как следует, среди рабочих. На эту сторону не мешало бы обратить внимание. Рабочие ненавидят нэпманов в магазинах и на базарах, но что делать, если он в нашей кооперации находит товар грязнее, менее доброкачественный, и не всегда хорошее отношение. На него смотрят там, как на получателя какого-то пайка.

Лагутина и Казанский:

Ненависти и злобы против новой буржуазии в запасе имеется много.

Рабочий говорит: я—хозяин. Иду ли по улице, еду ли в трамвае, я чувствую, что я—хозяин. Гляжу на море знамен демонстрации и чую: я—сила, я—хозяин. Захочу,—и пыль одна останется от нэпманов.

Когда надо будет, снимем этот овощ (новых буржуев) с огорода.

Теперь о хлебе насущном нет разговоров.

Финковский:

Мне кажется, что по вопросу о НЭП'е в понимании рабочих сейчас надо различать две стороны: чисто политическую сторону и сторону бытовую. Я так это понимаю. С политической стороны мне кажется—у рабочих за время существования НЭП'а, поскольку агитация нами проводилась на местах, отношение более или менее спокойное. Они понимают, что нэпманы их не задушат. Но что касается вопроса бытового, то совершенно правильно, что эта сторона рабочих беспокоит, и она беспокоит также и партию. Введение нэпмановских привычек в нашу партийную среду всякому рабочему бросается в глаза.

Захаров:

С развитием НЭП'а рабочие стали больше внимания обращать на кооперацию. Они жмутся к ней как-то, ищут как-будто в ней противодействия против развивающегося НЭП'а и надеются на нее. Если мы провороним здесь и кооперацию не поставим на ноги, то возможно, что к нэпманам будет лучшее отношение, потому что они обслуживают рынок. Нам необходимо обратить внимание на кооперацию.

Оснас:

Уважения к богатству, как к силе, которое было до революции, теперь нет. Скорее существует несколько ироническое отношение. Крупного нэпмана рабочие не видят. На-

рядный вид вызывает такое отношение: наворовались и богатеют. Нам, я считаю, нужно крупным шрифтом печатать судебную хронику.

ВОПРОС № 4:

Есть ли в массах живой интерес к революционному движению на Западе?

Не чувствуется ли отсутствие у массы простейших географических знаний, необходимых для оценки и понимания иностранной информации?

Имеются ли на заводах географические карты, приспособленные для нашей политико-просветительной работы как в отношении международной политики, так и в отношении революционного движения в других государствах?

Удовлетворяют ли читателей нынешние наши газетные сведения о стачках и других проявлениях революционного движения за границей?

Есть ли потребность в такого рода специальных картах?

ОТВЕТЫ:

Маринин:

Рабочие стали меньше придавать значения газетным сообщениям, особенно после того, как много пройдет шума в газетах, а результатов очень мало.

Казаков:

Интереснее всего могут быть карты показательно-наглядные, как карта России, с указанием мест, где чем занимаются.

Захаров:

Географические познания удовлетворительны в отношении России, так как теперь мало рабочих, которые бы за время революции не побывали от Москвы в различных направлениях: или на фронтах, или в поездке за мукой и т. д., так что карту России изучили практически, но в отношении все-

го земного шара дело обстоит плохо. Даже многие коммунисты не знают расположения других стран, путей к ним. Из-за этого иногда хороший доклад о международном положении становится полупонятен. Географические карты висят на некоторых заводах, да и то старые. Нужна такая карта, чтобы рабочему видно было расположение государств, и при докладах хорошо бы ее также пояснять.

Хорошо бы было примитивные карты всего шара развешать на площадях так, как это было во времена фронтов.

Лагутина и Казанский:

Постоянно наблюдается стремление массы переоценивать значение происходящего: „начинается настоящее", „тронулись нам на подмогу".

ВОПРОС № 5:

Каковы главные причины, которые препятствуют беспартийному рабочему вступить в коммунистическую партию? Какие главные доводы приводятся рабочими?

Можно ли на основании наблюдений сделать, примерно, такой вывод: тех рабочих, которые, по складу своему, интересуются прежде всего активной политикой, мы захватили в партию; но есть много рабочих, которые в первую голову интересуются вопросами своей профессии, техники, семейного быта или чисто-научными и философскими вопросами; в отношении таких рабочих мы не нашли еще достаточных способов правильного подхода, т.-е. не научились еще строить для этих рабочих мостки от их интересов в области технической, производственной, семейной, научной—к социализму и коммунизму. Правилен ли будет такой вывод или нет?

ОТВЕТЫ.

Маринин:

Интерес к жизни ячейки значительно возрос.

Индивидуальная обработка содействующих, рабочих и работниц, дает хорошие результаты.

Затруднения при подыскании поручителей можно устранить, прикрепляя к тому или другому рабочему двух-трех коммунистов для изучения, а в дальнейшем и для поручительства.

Кобозев:

Члены партии именуют беспартийных рабочих „товарищами" только на собрании, в своей же повседневной работе не сталкиваются близко, по-товарищески с беспартийными. Встречается иногда казенный формализм, благодаря чему создается иногда невидимая перегородка, которая не позволяет подойти беспартийному рабочему к партии. Исходя из собственного опыта, приведу такую иллюстрацию. Зная одного честного рабочего, который всегда поддерживал советскую власть, говорю при встрече: Вася, зайди с работы ко мне.—Зная его охоту к рыбной ловле, начинаю говорить о рыбной ловле. Наговорившись вдоволь об этом предмете, говорю: а почему ты не вступаешь в партию? ты молодой, пора вступать, довольно полодырничал, пора и за дело взяться.—Да я ничего, я, напротив, вступить в партию давно хотел, да так все откладывал. В бога я не верю давно. Ладно, завтра напишу заявление.—Невидимая перегородка исчезла, чего не может достигнуть та или иная замкнутая ячейка.

Мой вывод: если не будет чисто-товарищеских отношений с беспартийными, если будут замкнутые ячейки с казенным формализмом, никакие подходы и вкрапливание революционных идей в производственную и научную литературу не дадут реальных результатов. Невидимая перегородка будет существовать.

Кольцов:

В отношении лучших рабочих мы еще не нашли способов правильного подхода. Это богатый резерв партии. Я верю, что способ подхода к ним будет найден.

Антонов:

Если развить курсы чисто-технические для высоко квалифицированных рабочих-практиков по разной специальности,

то можно будет в скором времени получить красных мастеров. Это вернейший путь к коммунизму остальной массы рабочих.

Финковский:

Нам бы следовало начать в партийной работе ячеек с группировки рабочих для политзанятий по склонности к тем или иным сторонам жизни: технической, политической, семейной, научной и пр. Мне кажется, к этому мы, в конце концов, перейдем... Рабочая мысль не мирится с теми недочетами жизни, которые ее окружают в данное время... Рабочий не сможет искать ответов в книгах, которые пишутся без его участия... Он сам должен давать материал для этих новых книг, т.-е. он должен все наболевшие вопросы своего быта, в широком смысле слова, прорабатывать в своей рабочей среде, лучше в ячейке (к этому мы должны пойти навстречу сверху). Вот, по-моему, тот единственный путь, который раз навсегда выведет рабочего из пассивного участия в работе ячейки и безусловно даст ему стимул для сознательного вступления в партию.

Захаров:

Основная причина, препятствующая рабочему вступить в РКП,—дисциплина. Рабочие готовы всей душой помогать партии, но боятся обязанностей и требований, которые пред'являются партией. Ответ всегда слышен один и тот же: „я и так коммунист и делаю лучше, чем иной имеющий билет". Второй причиной можно считать, если можно так выразиться, застенчивость, т.-е.: „я бы вступил, но скажут: вот когда все закончилось и фронтов нет, теперь на готовенькое и ты вступаешь".

По-моему, партия охватывает все вопросы и дает ответ на любой вопрос. И я не согласен с выводом, что мы не нашли правильного подхода, т.-е. не научились строить мостки от интересов в области производства, техники, семейной—к коммунизму.

Кульков:

Доводы, приводимые рабочими против вступления в партию: вечерами они подрабатывают, в праздник сходят на базар, купят, продадут дешевле и повыгоднее то, что они по вечерам сделали на квартире.

Рабочие стали более требовательны к себе, после работы придут, хорошо вымоются, есть во что переодеться. Рабочий имеет 8 часов рабочего дня, условия работы, помещение, машины остались капиталистическими, не изменились, мало воздуха, мало света, летом он рвется на улицу подышать свежим воздухом.

Желательно, чтобы более сознательная и толковая беспартийная масса была втянута хотя бы в маловажную хозяйственную советскую и профессиональную работу. Их надо почаще менять и побольше втягивать.

Дорофеев:

Сейчас беспартийная публика трактиры и пивные переполняет, а коммунист туда не пойдет или сидит там, как на шиле, а нужно вместе ходить, но, конечно, не напиваться. Контрольной Комиссии нечего головой кивать! Он пойдет туда и будет проводить там свою деятельность, т.-е. жить вместе с рабочими и их удерживать. А если мы не будем с ними жить, то мы оторвемся от масс. Раньше как мы занимались агитацией? Исключительно в трактирах, когда бывали душевные беседы.

Казаков:

Когда правильно поставлено дело, когда каждая организация на заводе подходит к рабочему с пролетарским духом, он невольно приближается к коммунистической партии, и когда он познает всю нашу структуру, то он безусловно без всякого препятствия может вступить в нашу партию. Там, где нет такой работы, где рабочий не просветляется своими организациями, культкомиссиями и т. д, там действительно тормозится доступ в партию.

Финковский:

Аргументы такие: семья душит. И в особенности в последние годы это был аргумент, который крыть было просто нечем. Он говорит такую вещь: я знаю, как живут ваши товарищи коммунисты, и как живут беспартийные. Я—беспартийный. Я прихожу домой, по вечерам я свободен и бабе помогаю. А сосед мой—партийный, баба его с утра до ночи работает, а его чорт носит по разным местам, он на ячейке сидит и по собраниям бегает. Когда баба просит его помочь, он говорит: не могу, у меня заседание ячейки. Чтобы когда-нибудь ведро с помоями вынести—это никогда. У них скандал постоянно в избе, баба лается, а у меня этого нет. Я считаю, что я для революции приношу больше пользы: и в семье у меня порядок, и баба у меня не ругается, и я ей в работе помогу, и политическую книжку или газетину прочитаю. А у коммуниста, если он откроет газетину, баба лается: ты, говорит, и сюда беспорядок приносишь.

Кольцов:

Главное—это скромность, потому что, когда рабочий вступает в партию, ему обычно задают всякие вопросы. Представьте себе, что он городской пролетарий и совершенно не знает деревенского быта, а ему говорят: „вот ты—коммунист и скажи нам, почему моему отцу не дали леса на сруб, а волисполком срубил на избу и еще леса дали и зятю и т. д.“. Он говорит, что это незаконно, это злоупотребление, но он, как новичок, находится в затруднительном положении. Иногда ему говорят:—какой же ты коммунист, ты знаешь не больше нашего! Тогда рабочие думают, что нужно сначала все изучить и тогда вступать в партию, иначе над ними будут смеяться.

Кольцов:

Затем самая основная причина—это любовь к профессии. Это лучший резерв партии, самые квалифицированные рабочие. Они очень заняты только своей профессией, всегда ищут, как бы улучшить дело. Они очень сознательные. Когда

с ними беседуешь и спрашиваешь, почему не вступаете в партию, то они говорят, что некогда: я интересуюсь, как бы лучше сделать сталь или нарезать бетон и т. д. Потом они изобретают что-нибудь свое, выдумывают станки и т. д. Вот к таким рабочим мы до сих пор подхода не нашли, а между тем это самые честные рабочие и наиболее развитые. Они всегда толкутся, ищут, как бы им улучшить свое производство. Но к этому квалифицированному кадру рабочих, самому лучшему кадру безусловно, нужно как-то подойти. Они заняты чистым производством, они понимают, что крепость партии зависит от того, что мы углубимся, укрепим производство, и таких рабочих очень много на каждой фабрике.

Осипов:

Когда беспартийные попадают в работу и видят, что такое коммунистическая партия, то они в нее идут. Беспартийный не идет в партию, потому что он боится иногда работы, у него дома много дел. Но так отговаривается только беспартийный, который нигде не работает. Но там, где были организованы кружки, сразу появлялась ячейка в 7 чел., как это было на одном заводе. Я считаю, что самое главное заключается в том, чтобы проявить активность. Методы подхода могут быть разные. Одного можно привлечь путем профессиональной работы, другого—цеховой работы. Некоторые завкомы кряхтят, что у них много работы, а делегатов не заставляют работать. Конечно, в таких местах членов партии будет немного. Основное—это пробудить активность. Разница между 19 и 23 годом заключается в том, что в 19 году силы были напряжены, и была сильная усталость, а потом люди отдохнули, и у них сразу появилось больше активности.

Антонов:

Беспартийный хочет—работает, хочет—не работает. Понравилась работа—работает, не понравилась—бросает и переходит на другую, но в нашей среде партийная дисциплина подчас заставляет нести ту работу, которая его не удовле-

творяет. Он бы хотел работать на другой работе, но в силу партийной дисциплины приходится работать там, где заставляют. Вот это самая основная причина. Был у нас момент, когда Деникин был около Тулы, тогда товарищи вступали в партию пачками. Товарищи знали, что выхода нет, что надо защищать свою пролетарскую власть, и они шли в партию. Но вопрос в том, сколько из этих рабочих оказались годными на продолжительную работу? Некоторые товарищи были хорошими активными работниками во время первой и второй революции, но впоследствии на продолжительную борьбу многие из этих товарищей не годились, потому что для продолжительной борьбы нужна устойчивость. Тут было много недочетов, много промахов, и многие из этих товарищей не выдержали и оказались негодными.

Левицкий:

Со стороны беспартийных сказывается боязнь быть связанным. Изучая какую-нибудь астрономию, естествоведение, рабочий говорит: сейчас я читаю много, а когда я буду ходить на собрания, у меня времени будет меньше, и заниматься будет труднее.

Главная причина, почему не вступают в партию, та, что не пускает семья. Нам на заводе приходилось заниматься с товарищами беспартийными и устраивать собрания в домах коммун. Собирались часто у беспартийных рабочих, в особенности в зимние вечера. Читаешь им литературу, читают газеты, даже того же самого „Безбожника", и жена интересуется. Но как начнешь вовлекать в партию, смотришь, отношение его семьи к тебе, обрабатывающему, и к нему самому изменяется. Жена на тебя начинает коситься и даже в квартиру не впускает, когда рабочих дома нет. Из этих беспартийных товарищей многие принимали активное участи в перевороте и считали себя большевиками, но потом ушли в армию и после этого не вошли в партию по каким-нибудь случайным обстоятельствам, оторвались от революционного движения и стали беспартийными. Сейчас, когда спросишь, почему не вступаешь в партию, он говорит: семья. Действительно, жена как-будто начинает ревновать его к

партийной работе, и приходилось замечать, что, когда он, будучи беспартийным, читает газету, жена ему ничего не говорит, а если он собирается вступить в партию, то отношение к газете с ее стороны уже иное. Чувствуется боязнь, потому что коммунист, как дисциплинированный человек, очень связан, у него меньше свободного времени.

Оснас:

Есть очень много семей таких: жена беспартийная, а муж коммунист. И у нас нет привычки, чтобы кто-нибудь выносил на ячейку свои душевные драмы. Даже среди нас мы этого мостка не нашли, и найти этот мосток к непосредственному быту рабочего и подойти к нему не с точки зрения улучшения материального положения, нам очень трудно. Нам кажется, что это было бы очень хорошо, но я отношусь несколько пессимистически к тому, чтобы мы смогли подойти со всех сторон к рабочим и этими путями в ближайшие периоды втянуть их в партию.

Станкевич:

Многие рабочие чувствуют, что им не по силам выдержать требования коммунистической этики. Они боятся, что им придется вести какой-то новый образ жизни, придется изменить отношения. Они должны будут отказаться от крещения своих детей и от разных религиозных традиций. Они говорят, что сами они готовы были бы со всем этим порвать, но они не имеют достаточно воли, чтобы в своей семье открыто выступить против этого, а между тем они считают, что какой же это будет коммунист, если он будет жить так же, как жил до сих пор. И вот это очень тормозит вступление в партию. Затем многие рабочие связаны с деревней, говорят, что им совершенно некогда.

Цейтлин:

Никто не может сказать, чтобы рабочая масса была против партии,—она любит партию, но вступить в партию боится по многим причинам, а главное, потому, что она темна.

ВОПРОС № 6:

Внесла ли революция изменения в семейную жизнь рабочего и во взгляды его на семейную жизнь?
Обсуждаются ли эти вопросы? Где и как?
Какие ответы дают коммунисты?
Откуда почерпают они ответы на эти вопросы?
Почему эти вопросы не выносятся на страницы печати?

ОТВЕТЫ:

Казаков:

С внешней стороны переворот в семейную жизнь внесен, т.-е. стали смотреть на семейную жизнь проще. Но коренное зло не изменилось, т.-е. облегчения семьи от повседневных семейных забот не получается, и остается преобладание одного члена семьи над другим. Люди стремятся к общественной жизни, и когда этим стремлениям нет достижения из-за семейных нужд, получается склока, болезнь неврастенией, и тот, который уже с этим не может мириться, или бросает семью или мучит себя, пока не становится сам неврастеником.

Кобозев:

Нет сомнения—революция внесла большое изменение в семейно-бытовую жизнь рабочего; в частности, если работают на производство муж и жена, то последняя считает себя материально независимой и держит себя, как равноправная; с другой стороны, изживаются предрассудки, что муж есть глава семьи и т. д. Патриархальная семья распадается. Под веянием революции, как в рабочей семье, так и в крестьянской, большое стремление к разделу, к самостоятельной жизни, как только она почувствует материальную базу своего существования. Мне кажется, это—неизбежная ломка старого семейного уклада.

Марков:

Революция внесла изменения, и очень большие, в жилищные условия. Нищета промышленности и республики еще

немного держит семью, иначе она бы совсем распалась. Но именно этот плохо направляемый и руководимый стихийный распад грозит рядом других ненормальных явлений—проституцией, пьянством, хулиганством, ненужным удальством и пр., с чем необходимо немедленно об'явить борьбу, и серьезную, иначе куда труднее будет исправлять испорченных людей вне семьи.

Коробицын:

Революция внесла изменения в семейную жизнь, выражающиеся в том, что меньше пьют, следовательно, и меньше бьют своих жен и детей.

Кольцов:

Вопросы эти нигде не обсуждаются, как будто их избегают почему-то . До сих пор я никогда их не продумывал... Сейчас для меня это новые вопросы. Я считаю их в высшей степени важными. Над ними следует призадуматься. По этим же, правда, неопределенным причинам, думаю, они и не выносятся на страницы печати.

Финковский:

То, что революция внесла новое в семейную жизнь рабочего, это факт. Разруха, голод, недостатки — они ударили по семье, заставили ее сжаться, экономить, связывать голодные концы с концами, обрушившись тяжелым гнетом главным образом на женщину. Я считаю, что ее положение фактически настолько ухудшилось, что постоянные об этом разговоры, воркотня и пр. являются, пожалуй, главной причиной, почему рабочий не решается вступать в партию.

Разговоры на эту тему редко поднимаются потому, что они слишком близко всех касаются... Не поднимали их до сих пор, по моему мнению, для того, чтобы не портить себе кровь... Все понимают, что выходом из положения может быть взятие государством на себя целиком воспитания и содержания всех детей рабочих (держа их где-то рядом с родителями), освобождение женщины от кухни и пр. Комму-

нисты на это прекрасное будущее обычно ссылаются, тем самым снимая острый вопрос с дальнейшего обсуждения.

Рабочие знают, что в семье коммуниста — этот вопрос обстоит еще хуже, чем у них.

Ежели муж партийный, значит, он для семьи палец о палец не ударит (некогда, завален делами, высокими материями), а жена его, как лошадь, должна работать, да еще получать нагоняи за некоммунистические поступки, роняющие коммунистический престиж мужа-партийца.

Захаров:

Злободневен вопрос о равноправии женщины. Высказываются все по разному. В принципе все соглашаются с равноправием и затем добавляют: но—семья, дети, домашнее хозяйство и пр.

Кульков:

Революция, несомненно, внесла изменение в семейную жизнь, во взгляды на семью, даже в отношении раскрепощения женщин. Мужчина привык себя чувствовать главой в семье. Жена с детьми, с горшками, со стиркой. Он урывает время сходить на собрание, на лекцию, читает газету; с этого начинается указывание жене, что надо делать, как ухаживать за детьми, как стирать белье, иногда даже приготовлять обед, открывать окна, как держаться самой по отношению к семье, к детям и к приходящим товарищам, далее идет религиозный вопрос, отказ жене в мещанских запросах, а так как по наличным средствам многого провести нельзя, то начинаются скандалы. Со своей стороны женщина тоже пред'являет требование быть более свободной, сдать куда-нибудь детей, чаще быть с мужем там, где он бывает. От этого и начинаются всякие скандалы и сцены. Отсюда развод, женитьба, выход замуж.

Коммунисты обыкновенно отвечают на такие вопросы, что семья, в особенности ссора мужа с женой, это—частное дело.

Лагутина и Казанский:

Там, где у женщины хватает сил, или обстановка мало мальски благоприятствует, женщина является упорным практическим проводником новых мыслей и отношений. И совсем не выгодное положение занимает мужчина—муж и отец. Известны случаи выхода из партии коммунисток из-за настойчивых требований мужа вернуться „к домашнему очагу, кухне и уходу за мужем". Для большинства мужчин рабочих жена—„баба". Мужчина—отец часто рассуждает по-старому: детей не бить — значит распускать. Детей бьют, считая этот метод воспитания испытанным и проверенным.

Антонов:

Самый взгляд на семейную жизнь у рабочего стал другой, например, на женщину. Женщины уже более раскрепощены, и тут есть кое-какие основательные изменения.

Часто приходится так, что не родители детей инструктируют, а дети — родителей.

Почему этот вопрос не выяснялся на страницах печати? Я думаю, что если дать на страницах печати описание семейной жизни рабочих, то надо войти в психологию рабочих теперешнего времени. Конечно, это вещь очень трудная, и подойти трудно. В будущем это положение изменится, но сейчас для писателя легче говорить по текущему моменту, чем входить в психологию рабочего. Поэтому так редко встречаются такие статьи в печати.

Марков:

Я предупреждаю, что на нас надвигается колоссальное бедствие в том смысле, что мы неправильно поняли понятие „свободная любовь". В результате получилось так, что от этой свободной любви коммунисты натворили ребятишек. Коммунистов мобилизовали, и на иждивении завкома осталось чуть не две тысячи детишек.

Если война нам дала массу инвалидов, то неправильное понимание свободной любви наградит нас еще бо́льшими уродами. И мы должны прямо сказать, что в этом направ-

лении в области просвещения мы ничего не сделали, чтобы рабочая масса правильно поняла этот вопрос. И я вполне согласен, что если нам зададут этот вопрос, то мы не в состоянии будем на него ответить.

Лидак:

Острый вопрос, который перед нами стоит и на который нужно будет обратить внимание, это вопрос о женском пролетариате. Это особенно важно для тех, которые связаны со своими семьями по обычной своей жизни в квартире: тут влияние в религиозном отношении больше действует, чем какое-либо другое. Я думаю, что среди этого слоя населения нужно повести какую-либо работу, нужно что-либо вместо церкви дать, а другого у нас ничего нет. Если мы возьмем даже в Москве наши районные клубы, туда редко кто заглядывает и там нет такого близкого общения, чтобы могли получить удовольствие муж со своей женой и детьми. У нас там бывают иногда официальные собрания. Может быть, это об'ясняется тем, что мы отчасти переутомлены бываем, но только мы проводим собрание и спешим. А вот отвлечение внимания от этой церкви, на это надо обратить внимание и поставить какие-нибудь культурные центры, где не только по воскресеньям, но и каждый день вечером муж со своей женой может получить удовольствие. Тогда они в церковь не пойдут. Мы видим, что некоторых уже отвлекают сады, где плата доступная.

Дорофеев:

Некоторые рабочие очень мало связаны с семьей и смотрят так, что жена все должна за него сделать, а он отправляется куда-нибудь. И в воскресенье точно также. И вот на этой почве происходят скандалы. Жена ворчит, что вот ты и в праздник удираешь, а я должна дома сидеть с детьми. Здесь видно известное стремление женщины к освобождению. Они часто упрекают своих мужей, что вот другие отдают своих детей в ясли или в детские дома, как на других фабриках, что поэтому жены других имеют больше сво-

боды, — а я вот, мол, должна сидеть с детьми все время. Значит, такое стремление женщины к освобождению имеется.

Цейтлин:

Совершенно не освещается в литературе вопрос брака и семьи, вопрос отношений между мужчиной и женщиной. Между тем, это те вопросы, которые интересуют работниц и рабочих. Когда мы ставим такие вопросы на собраниях, работницы и рабочие знают об этом, они заполняют наши собрания. Кроме того, масса чувствует, что мы замалчиваем эти вопросы, и мы действительно как бы замалчиваем. Я знаю, что некоторые говорят о том, что у коммунистической партии нет и не может быть определенного мнения по этому вопросу. Я знаю агитаторов, которые на данные вопросы отвечают по тезисам тов. Колонтай, но там нет, например, вопросов ответственности отца и матери перед ребенком, и на этой почве растет подкидывание ребят. Сейчас в Москве это является одним из большущих зол. Этот вопрос не освещается, и рабочие и работницы часто задают этот вопрос и не находят на него ответа.

Борисов:

Относительно рабочего быта я должен сказать, что рабочий быт у нас чрезвычайно мало освещен и по очень простой причине: те вопросы, которые мы сейчас здесь поднимаем, их чрезвычайно трудно описать. Легче, конечно, написать казенную статью.

Осипов:

Нужно сказать, что быт никакой определенной формы не принял. Можно сказать: что ни город, то норов, что ни семья, то по своему. Здесь говорилось, почему эти вопросы не выносятся в печать. Но большинство коммунистов, наиболее активных, которые пишут в печати, слишком заняты и, может быть, даже и свою семью не знают. Уходят, когда спят, приходят, когда спят, а если своей семьи не знаешь, то и чужую трудно знать. Единственно, откуда можно знать,

это из разговоров на заводах, которые поднимаются в завкоме, когда кто-нибудь приходит жаловаться—например, женщина жалуется, что ее ударил муж и т. д. Потому, повторяю, не выносят в печать, что мы, коммунисты, ни своей, ни чужой семьи не знаем.

Фактически вопрос о семье и о детях никак не освещается. Я сам все, что видел, то забыл, и только когда спрашивают, немножко вспоминаешь и начинаешь кое-что связывать.

Гордеев:

Если присмотришься ко всем коммунистам, то увидишь, что жена, действительно, сидит дома, а коммунист-муж идет на собрание. В общественную работу жены коммунистов втягиваются чрезвычайно слабо. Приблизительно такое же положение и у рабочих. Когда обсуждается вопрос о быте рабочих, то самый большой интерес проявляется среди женщин-работниц. Они много говорят о яслях, общественных столовых и т. д. Но надо сказать, что по об'ективным и суб'ективным условиям мы очень мало сделали в отношении изменений нашего быта. Среди рабочих коммунистов замечается такое отношение к женам работницам, что, идя на собрание, муж удерживает свою жену дома. Иногда дело доходит до развода. Муж не пускает жену на собрание, а она непременно хочет итти, и вот—развод. Мне известны два таких случая. На совещании работниц говорилось о том, что в нашем Орехово-Зуевском уезде было два случая, когда муж категорически воспрещал жене работнице ходить на собрания, и они разводились.

Дорофеев:

Революция внесла разложение в семью, многие рабочие озорничают и не так понимают свободу, расходятся со своими женами. А другие так отвечают, что революция произвела еще какой-то толчек, ударила по семье. Даже среди ответственных работников есть много таких, которые расстались

с женами и оставили их с пятью ребятами. Таких случаев очень много. Это не скрывается. Расстаются даже с женами-коммунистками, и это выплывает наверх. На собраниях это не обсуждается, но среди партийных кругов об этом говорят и чувствуется, что вот-вот прорвется.

Теперь, почему печать в газетах не пишет статеек, фельетонов и не оттеняет семейной жизни? По моему, один товарищ правильно сказал, что у нас в газетах работают по преимуществу старые работники, которые психологии рабочих не понимают, а наших газетчиков нет.

Тут нужна, главным образом, работа женотделов, потому что от этих толчков женщины больше всего страдают, особенно, когда у них на руках остаются ребята. Яслей нет, детских домов нет. Конечно, женщине-коммунистке приходится стирать белье, потому что экономнее, да и сама она не отдаст, потому что ей белье испортят, так как часто стирают искусственно. До тех пор, пока у нас переходный момент, пока у нас яслей и детских домов нет, до тех пор женщины-коммунистки будут стирать белье, мыть полы, потому что им нельзя будет от этого семейного быта оторваться, а муж будет ходить на собрания, читать газеты, и женщины будут в высшей степени отсталыми. А когда у нас все организуется, тогда женщины не будут стирать белье и будут ходить на рабочие собрания.

Гордон:

В нашем райкоме была объявлена лекция „Семья и брак". Мы вызывали лектора и спросили его, что он будет говорить по этому вопросу. Он ответил, что будет излагать Энгельса „Происхождение семьи и брака",—и более я ничего не скажу, прибавил он. Конечно, я не говорю, что это плохо, но нужно было сделать вывод из этого сочинения Энгельса для настоящего времени, а этого мы как раз не можем сделать. Между тем вопрос этот чрезвычайно назрел.

Что касается брака, то я утверждаю, что коммунисты на комсомолках ни за что не хотят жениться, потому что, говорят, она будет де бегать на собрания, никогда не сварит

ему обеда, не будет стирать ему белье и т. д. Коммунисты говорят, что лучше им жениться на беспартийных, которые будут дома, будут заботиться о детях и соблюдать домашний порядок. Это мнение очень широко распространено. Коммунисты говорят, что если они женятся на коммунистках, то дети у них будут умирать и семья будет ходить драная.

Коробицын:

Раньше муж смотрел на свою жену, как на рабыню. Это печать истории. Но теперь он все-таки на нее смотрит несколько иначе.

Раньше он раз, и два, и три колотил жену, если напивался водкой, теперь водку у него отняли. Но если говорить о том, заполнили ли чем нибудь эту пустоту, то я говорю, что ее ничем не позаполнили. Он теперь самогонку ищет и выпивает, но жену реже и меньше бьет и смотрит на нее, как на гражданку, и она считает себя гражданкой и не позволяет себя бить.

Относительно брака: меняют женщин, это происходит и у коммунистов. Это недопустимо, что некоторые разнуздываются до безобразия. Я и говорю, что на это тоже нужно серьезно обратить внимание и побольше вносить в печать и обсуждать, что такое брак. В конце концов нужно понимать, каково отношение к браку, каково отношение к женщине,— об этом я никогда не встречал ничего в газетах. Мы так или иначе должны обратить на эти вопросы серьезное внимание, подойти поближе к ним и хотя бы маленькие кирпичики вкладывать в быт русского народа.

Антонов:

Потом еще изменение в семейной жизни рабочего—он стал меньше поддаваться алкоголю и рабочие стали на много трезвее, а раз они стали на много трезвее, то и умозрение их стало лучше.

ВОПРОС № 7:

Старая церковно бытовая обрядность сосредотачивалась вокруг трех моментов: рождение, брак и смерть.

Чем заменена сейчас эта обрядность у тех элементов рабочего класса, которые порвали с церковью?

Имеются ли какие-нибудь новые бытовые формы, чтобы отметить или отпраздновать рождение и брак или отдать почести умершему?

ОТВЕТЫ:

Маринин:

Обрядность заменена только в части похорон, которые организуются через профсоюзные органы и носят торжественный характер.

Иванов:

Рабочий говорит: „Вот вы, коммунисты, хороните своих товарищей, у вас есть на этот случай похоронный марш, надгробные речи, вы указываете на его заслуги перед обществом и государством, а мы в таких случаях что сделаем со своим покойничком? Так его как-то неловко без всяких церемоний отправить, вот тут и приходится обращаться к помощи попа". Рождение, брак—это заменится скоро, а смерть, если рабочий отменяет похороны по обряду, это место остается пусто.

Дорофеев:

Вместо старых церковных обрядов, новых бытовых форм не наблюдается, просто осталось пустое место, и часто на этой почве происходят тяжелые семейные сцены, когда жена рабочего посылает крестить или хоронить ребенка, соблюдая церковные обряды, а муж ее не пускает—дерется.

Захаров:

Эти явления рабочий отмечает у себя семейным торже-

ством: приглашает гостей, ставит на стол закуску и „декретированное".

Похороны рабочие стремятся сделать похожими на похороны заслуженных товарищей—с музыкой, знаменами и т. д. Но это пока единичные случаи.

Кульков:

Определенной замены шествия, панихид не наблюдается. У коммунистов во время похорон товарищи несут знамя, поют, иногда бывает музыка.

Антонов:

Если, например, справляет коммунист рождение, собираются у него знакомые коммунисты и беспартийные, чем отметить этот день? По старой традиции клали на зубок. Этого не нужно. Но тут нужно сделать сбор на детские ясли, на дом общественных яслей. Примерно, похороны. Тут нужно иначе поставить. Можно провести сбор на крематорий, чтобы сжигать трупы.

Маринин:

Мне кажется, что в первый период нам нужно будет приучать рядовую публику к тому, чтобы хоронить с музыкой. Я бы лично высказался даже за то, что можно устраивать и торжественные крестины, может быть, это нужно делать не всегда, но если бы даже иногда и устраивать такие крестины, то несомненно это заставило бы рабочих задумываться над вопросом о том, нужно ли вообще крестить. Несомненно, что такие крестины нужно устраивать при содействии завкома и культкомиссии.

Захаров:

У одного рабочего родился сын. Так он устроил вот что: созвал представителей от завода, они выбрали председателя—не знаю, был ли доклад, но проголосовали, как назвать ребенка, составили протокол, подписали, а потом было уже и остальное—чай и т. д.

Дорофеев:

Я помню, что когда я был мальчиком 14-ти лет и работал на фабрике в Москве первый год, то меня мастер отколотил. И вот я, помню, вышел на двор, смотрел на небо и просил, чтобы бог наказал этого мастера. И потом у меня была страшная охота к церковному пению. Я не был религиозен, но я в этом искал какого-то удовлетворения. Жизнь была тяжелая, жалованья я получал мало,—и я находил утешение в этом церковном пении. Теперь я стал атеистом, потому что читал книги, слушал лекции, у меня явилось сознание, и благодаря этому я смотрю на это как на пустяки. Поэтому, до тех пор, пока мы пролетариат не воспитаем, не сделаем сознательным, мы ничего не сможем сделать.

Кольцов:

Почему нельзя оставить день рождения для празднования, как сейчас празднуется день крещения? Пусть возьмем хоть вина или пива, если без этого обойтись нельзя, пусть сделаем праздник и празднуем день рождения, а не именины.

День рождения и смерти нужно как-то отмечать. Обряд брака изживается легче. Даже беспартийные рабочие ограничиваются гражданской записью, потом устраивают пирушку. А вот труднее дело обстоит со смертью и с крещением. Этому нужно что-то противопоставить. Особенно скорбят отсталые женщины, если кто-либо умрет не отпетый или не крещеный.

Устраивать торжественные похороны с оркестром и пр. никто никому не предлагает насильно, но это прививается. Беспартийный приходит и говорит: у меня умерла жена, дайте оркестр. А иногда у нас нельзя взять оркестра, потому что денег нужно, а денег нет. Если бы мы были богаче, мы давно пришли бы к этому.

Оснас:

Месяца 3 тому назад я присутствовал при новых формах обрядности. Это касалось поступления сына одного нашего рабочего учеником в мастерскую. Этот рабочий меня при-

гласил прийти к нему вечером. Прихожу—там все честь-честью, как полагается, и пиво и портвейн. Пиво и портвейн сейчас у нас вытесняют самогонку. Это некоторым образом шаг вперед. Оказалось, что он сынишку устроил учеником. В семье рабочего это такой же серьезный момент, как рождение, брак или смерть. И вот тут я подумал, что было бы хорошо, если бы некоторым образом узаконили эту форму, обратили бы внимание на эту, так сказать, производственную конфирмацию молодежи. Для него это был большой момент, так как это очень трудно в настоящее время: мальчик оканчивает школу, ему 17 лет, и не знают, куда его устроить. Вот и присутствуешь при такой, так сказать, бытовой форме. Это, конечно, лишь начало, но все-таки мы мимо него проходим. Нам, как партии, необходимо на это обратить внимание. Так что помимо рождения, смерти, брака, этот момент ученичества хорошо привьется, в особенности теперь, потому что момент поступления сына или дочери рабочего в школу или мастерскую — это очень важный момент.

Лысенко:

В 17-ом году я пошел в Страстной монастырь и в Храм Христа. Там действительно все блестит и все очень красиво. А у нас разве что-нибудь построено взамен этого? Куда деваться на Пасху? Настроение такое, что хочется куда-нибудь пойти, праздничное время, а итти некуда; рабочие идут в храмы просто потому, что там Розанов поет лучше, чем Шаляпин, который может закапризничать и не петь,— хор хорошо поет. А у нас в этом отношении ничего не делается. У меня самого ребенок, девочка 12-ти лет; убежала она как-то с подругой. Приходит. Где ты была?—Говорит: в церкви.—А зачем ты туда ходила, ведь ты не веришь.—Не верю, а все-таки там очень хорошо.—Ты бы куда-нибудь в другое место пошла.—Куда же итти? Дай билетик.—А билетик монету стоит, а монет нет. Мы устраиваем разные агитации, но это одно не годится. Нужно художественное что-нибудь. А мы в этом отношении ничего не создали.

Марков:

По моему, лучше всего и прежде всего нужно завести такое место, где можно сжигать трупы. И начать тут просто с больших лиц. Помер человек, надо так и сказать, что сжечь его. А то вот что получается, напр., на Даниловском кладбище, где я живу. Там есть колодец, три аршина глубины, и тут же могилы находятся. А вот если бы начать сжигать и растолковывать, почему это полезно, то это было бы очень хорошей мерой. Вот, например, тов. Воровского хоронили, а если бы сжечь и потом повести кампанию, что вот, мол, был такой человек, и мы его сжигаем.

Лидак:

Затем еще такое явление: мы, напр., видим, что когда идет похоронная процессия, то идут только родственники. Определенно участвующей группы в процессии нет, пройдут известный промежуток времени и отхлынут, другие приливают. Так что все время меняется состав, который провожает, и состав этот всегда небольшой, бывает человек 30 в группе, в другой человек 7—8, а в третьей человек 15, так что, видно, никакого внимания на это уже не обращают. И вот я думаю, что надо какое-нибудь видоизменение (замену) дать, и тогда сумеем поставить дело так, как должно.

Казаков:

С внешней стороны переворот в семейной жизни у нас безусловно сделан с начала революции 17-го года. Мне удалось как раз пережить такую эпоху. Я вышел из семьи староверов, закаленных. В 17-ом году я попал в революционную атмосферу и стал приобщаться к ней. Семья сперва на меня смотрела, как на отшельника, убегающего от семьи, хулигана и пр. Попадаю в армию. Из армии заявился в деревню. Сажусь обедать, богу не молюсь. Отцу — староверу говорят: „как же так, родной сын, старовер, садится за стол, не крестясь; дьявол в рот влезет". Начинаю проявлять свое коммунистическое сознание и внедрять в семью. Хочу так

поставить дело в деревне, чтобы отбросить старые предрассудки. Веду эту работу в течение нескольких лет. Борьба доходит до остроты. Никак не можешь психологию крестьянина переломить и семью изменить к новому быту. Пришлось ехать в город, чтобы не обострять отношений, не поругаться. В городе я встретился уже с другой семьей, с другой психологией. Рабочая семья стала податливее. Здесь перелом в жизни замечается более крупный. Первым делом мы видим, что с этим переломом замечается все же преобладание одного члена семьи над другим. Напр., муж—коммунист, жена—беспартийная. Жена повседневно занята с малыми детьми. Муж имеет повседневное общение в нашей политической жизни, вращает мозгами своими, обсуждает, развивается и т. д. Он становится преобладающим членом в семье. К нему—тяготение остальных членов семьи, брата, сестры и т. д., начинается соревнование. Здесь уже говорилось по этому поводу. Это соревнование выливается в определенную форму, доходит до склоки, брани, до болезни, истерики и т. д.

По моему, переворот в семейном быту идет по стадии развертывания, определенных форм им придать ни в коем случае нельзя. Например, воспитание детей. С одной стороны, ты вращаешься в общественной жизни, приходишь домой, занят, хочешь свое направление дать. У жены еще старая психология есть. Она хочет по своему, и вот приходится детей тоже тормошить в переходном состоянии, чего нельзя делать. И здесь, конечно, приходится призадуматься, можем ли мы в ближайшее время создать общественное воспитание детей и т. д. И, конечно, если бы удалось это в ближайшее время сделать, было бы хорошо, а то получается какой-то переполох.

Осипов:

Я могу сказать, что браки отмечаются тем, что когда женятся, то обращаются в кассу взаимопомощи с тем, чтобы выдали 800—900 рублей. Спрашиваешь—зачем тебе нужно? Отвечает: да как же, надо поесть в этот день.

Относительно рождений тоже есть вопрос. Я знаю, что

иногда устраиваются комсомольские крестины. Прежде всего при рождении поднимается вопрос о том, как назвать ребенка. Знаю один случай, когда предложили назвать Ильичем. Потом отец пришел обратно и спрашивает: можно ли прибавить Ленин. Сказали: можно. Ну, говорит, так и назовем: Ильич Ленин. При рождении вопрос таким образом сосредотачивается вокруг имени. Обращаются в ячейку РКП и РКСМ. Нескольких девочек, я знаю, назвали „Октябрина."

Вопрос о рождении связан, главным образом, с вопросом о названии, а брак это пустое место. Главным образом, обращаются в кассу взаимопомощи.

Теперь относительно смерти. Относительно смерти ребенка я затрудняюсь сказать. Я не представляю себе, как это можно обставить. Что касается взрослых, то иногда смерть отмечают тем, что хоронят с музыкой, иногда даже за полчаса на заводе работу кончают. В сильных ячейках всегда хоронят с музыкой, а в большинстве случаев проходит совершенно незаметно.

Гордеев:

На этой неделе умер комсомолец. Когда он был в комсомоле, он был неверующим и очень хорошим парнем. Сейчас они живут в лагере, и с ним вдруг случился удар. Он неожиданно умер. Отец наставил вокруг него крестов и хотел хоронить в церкви. Но тут закричали в ячейке, пришли комсомольцы, а отец говорит: „сам поп в облачении будет кадить, а вы мне что вместо этого предложите?" Комсомольцы отвечают: „мы дадим музыку".—„Ну, если музыку, значит, гражданские похороны. Я согласен".

Теперь, относительно крестин и брака. Очень часто молодежь, партийная и беспартийная, не венчается в церкви, но остальная обрядность, как пляски и самогон, обязательна... Некоторые записываются, а некоторые не записываются, но во всяком случае пирушку они устраивают. Что касается крестин, то некоторые не крестят, но тоже пирушку устраивают. Если отец партийный, то жена старается окрестить скрытно, когда мужа нет, или он уезжает в командировку, а затем, конечно, поднимается скандал, и мужа тянут в

ячейку, так как этого скрыть нельзя. Подобные факты происходят и в Москве и всюду... Это вопрос очень тяжелый, и на него надо посмотреть глубже. Например, родится ребенок у члена партии, работающего на заводе. Жена тащит ребенка крестить, а муж ни за что этого не хочет. В результате происходит драка и брань, когда нужно было бы радоваться. То же самое происходит, когда нужно ребенка хоронить, и жена плачет, потому что муж не позволяет ей хоронить ребенка. Она на всю жизнь проклинает и мужа, и партию, и все. Коммунист говорит своей жене: выбрось все эти иконы, а жена не выбрасывает, а прячет их в какой-нибудь ящичек и с любовью на них смотрит, надеясь, что скоро опять повесит их на место.

Гордон:

У одной работницы родился ребенок 1-го Мая, и она назвала дочку Майей. Имя Октябрина уже приобрело некоторые права гражданства. Предлагали даже имя Крокодил. Недавно мы разговаривали и пришли к заключению, что какого чорта мы будем называть наших детей по именам, которые даются святцами. Каждое имя—это название какой-нибудь вещи на иностранном языке. Каждое имя что-нибудь определенно означает. Давайте сделаем и тут революцию и будем называть другими именами, которые нам подходят. Проследите, как за этот период революции называют детей. Очень многих детей—девочек назвали Розой, в память Розы Люксембург, а мальчиков большинство называли Владимирами—в честь Владимира Ильича. Эта тенденция есть, а также есть и тенденция выдумывать новые имена. Это имеет будущее, пока это задевает только коммунистов. Мы должны перестать называть детей именами, которые не имеют никакого смысла или имеют даже скверный смысл.

ВОПРОС № 8:

Наблюдается ли в рабочей среде интерес к отдельным маленьким вопросам быта, свидетельствующий о стремлении повысить культурный уровень: стремление к большей вежливости, чистоте, соблюдению известных гигиенических правил и пр. и пр.?

ОТВЕТЫ:

Лысенко:

Да, высоко квалифицированные рабочие берут от производства точность, аккуратность, бережливость и пр. На этом надо и строить нашу агитацию. Ругань есть, но шутейная или механическая, т. е. в виде пословицы. О чистоте очень много рассуждают, как мы не умеем себя вести и как западный пролетариат умеет держать себя вообще.

Антонов:

Стремятся ли рабочие к вежливости, опрятности и аккуратности в широком массовом смысле? Нисколько, исключая некоторых индивидуальных случаев. Я выучился работать под руководством англичанина Койгода, видел работу французов, итальянцев, немцев и финляндцев, латышей, всех практиков, которые работали по литейному делу. Из всех этих наций я лично преклоняюсь перед англичанами. Это чертовски выдержанный народ: хладнокровие, аккуратность и безошибочная оценка, кто чего стоит, и беспристрастие. Мы, русские рабочие, если бы имели 10% аккуратности и экономии англичан, в чем бы то ни было, тогда бы мы при теперешнем строе в один миг повернули бы весь мир. Быть точным и аккуратным—вот что нам нужно. У рабочих косность в этом отношении не скоро изживается.

Финковский:

С того момента, как наша хозяйственная жизнь стала улучшаться, появились чистота и порядок на заводах и фабриках, хотя еще в минимальных размерах.

Кульков:

Культурное стремление наблюдается в большом размере, в первую голову у квалифицированных рабочих, не минуя и чернорабочего.

Лагутина и Казанский:

Стремление к культурности необычайно сильное.

Захаров:

Когда я жил в рабочем квартале и работал в организации, то я иногда ходил с товарищами рабочими с гармонией и пел песни. Или же вот, когда группа рабочих играла в „козла“ (в карты), то и я присоединялся к ним и играл, а теперь бы меня осудили и наши коммунисты и сами рабочие. И вот теперь я часто думаю, что было бы, если бы я сел играть в „козла“? И с гармонией теперь я не пойду.

Вот, значит, нам нужно подумать относительно этики, чтобы очень много не одергивать. А то вот еще такой случай со мной был: я раз зашел в пивную и сел у окошка. И что же вы думаете? Я сидел все время, как на иголках, и думал, ну, как в окно меня увидят,—а ведь я ничего преступного не делал...

Дорофеев:

Вот насчет культуры я хотел сказать—относительно чистоты, вежливости и так далее. Я, грешный человек, раньше тоже похвалялся невежеством, и меня вся московская публика знает. Когда я побыл заграницей и сравнил германского рабочего с русским, то разница получилась громадная во всем, несмотря на то, что германские рабочие сейчас нищие и получают бумажными деньгами, а не золотом. Несмотря на это, культура внешняя и внутренняя поддерживается германским рабочим.

Наблюдается ли вежливость, стремление к культуре среди русских рабочих? Наблюдается, и заметно. Каждому хочется выразиться поинтеллигентнее, хотя это иногда приводит к тому, что стараются вставить больше непонятных и ненужных иностранных слов. Каждому хочется быть поинтеллигентнее. И еще скажу, что более или менее простой рядовой рабочий ходит чище и приличнее, чем наши пропагандисты.

Я говорил с крестьянином. Они говорят: какая же власть, к чему вы нас ведете, когда вы сами себя не можете порядочно причесать и одеть? Такие упреки были. Среди рабочих и крестьян наблюдается, что они стали приличнее себя одевать и пр.

Кульков:

Когда ответственный работник получает по 19-му разряду, конечно, ему можно тогда соблюдать чистоту, ему нечего строить Аноху, но мы знаем, что, хотя рабочий получает по 6-му, 7-му разряду, имеет всего 3 рубашки и 4-ую праздничную, все-таки он всегда более или менее ходит чистенько: после работы вымоет руки, шею, переоденется и даже нельзя узнать, что он рабочий.

Зимою была отмечена чрезвычайно большая посещаемость клуба. Конечно, отчасти может быть потому, что там было тепло, уютно, был соответствующий порядок. Школа по ликвидации безграмотности посещается почти в 100%. Было обнаружено большое стремление рабочих к повышению своих теоретических знаний. Сейчас лекции посещаются с большой охотой. Несмотря на то, что у нас читает только один санитарный врач, все-таки рабочие битком заполняют помещение.

Раньше рабочие не думали, чтобы иметь для спанья простыни, чистенькие наволочки и т. д. Сейчас почти у каждого рабочего имеются все спальные принадлежности, сейчас рабочие уже привыкли к чистоте, и можно часто наблюдать, как они открывают окна, подмывают мочалкой пол и т. д. Соблюдают также гигиенические правила. Когда у нас в нынешнем году прививали оспу, прививка происходила добровольным образом.

Маринин:

Теперь и с этой стороны рабочие несколько двигаются вперед. Кредит, который оказывает им кооперация, дает им возможность приодеться, в особенности тем, которые получают по 9-му разряду и ниже до 7-го,—они все приоделись, имеют демисезонное пальто и т. д. Это ведь тоже часть культуры.

Борьба с пьянством все-таки заметным образом себя проявляет. На отдельных предприятиях были такие случаи—больше комсомольцы изощряются в таких жестоких мерах: если появится на работе пьяный рабочий, то удаляют его.

Главным образом, преследуется цель борьбы с самогонкой. Таких рабочих не пускают на работу, пока он не скажет где он взял самогонку. И нужно сказать, что в этом отношении рабочие как будто чувствуют, что они сами заинтересованы в этом, и сами помогают этому. Отдельные моменты были такие, что даже об'являлся бойкот беспартийными. У нас был один пьющий, так его так бойкотировали, что он даже в ячейке дал честное слово, что он в течение года не будет пить.

По-моему, есть одно зло, с которым нужно повести борьбу, но тут тоже, пожалуй, нужно начать с коммунистов. Это насчет руготни. Беспартийные смотрят таким образом, что коммунисты очень высоко поставлены, и что они должны являться наиболее культурными. Недавно, например, был такой случай, что к одному вступившему только кандидатом в партию, в связи с подпиской на хлебный заем, приходит из другого отдела старик и говорит ему: „запиши меня". Он начал что-то говорить, а тот настойчиво требует, тогда этот стал ругаться. Тогда беспартийный старик начинает жаловаться на то, что он должен был обращаться с ним вежливо, и вот ему говорят: „извинись". Он извиняется, но сначала недовольным тоном. Ему и говорят: „это не годится, извинись, как следует". И вот заставили парня как будто бы унизиться. И это для него настолько показательно, что он на следующий раз постарается этого не делать.

Антонов:

Конечно, каждый человек, будь он коммунист или рядовой рабочий, должен быть опрятен. Но вопрос стоит так, что надо быть одетым чисто, прилично, но не крикливо. Вот в чем вопрос. Тут две стороны: с одной стороны, сильно небрежно к себе относиться—нехорошо, но если он крикливо одевается, это тоже нехорошо. К этому очень чутко прислушиваются и присматриваются. Но в конечном счете тут вопрос становится так: по одежке нас встречают, а по уму, по достоинству провожают.

Гордеев:

Я поступил в мастерскую еще в 1905 г., 14-летним мальчиком, и первое, что нужно было сделать, это купить четверть водки за то, что тебя будут учить. В этот же день наслушаешься таких матерных слов, не говоря уже о том, что в своей семье и отец и мать кроют этими словами. И вот так начинаешь работу в мастерской. Это, конечно, скверный подход. Если ведешь себя тихо, то говорят ты—баба. И тогда уже из ухарства начинаешь ругаться и привыкать к тому, против чего т. Троцкий написал статью. В таких условиях протекала работа в прежнее время. Первые годы нашей революции (17—18—19-ый годы) отличались тем, что самыми ухарскими командирами нашей Красной Армии считались те, которые, во-первых, были храбры и, во-вторых, те, которые хорошо по матерному ругались. Я не могу назвать их. Если называть, то пришлось бы называть большинство. Когда бывало соберутся товарищи вместе, то они исключительно упражняются—кто лучше скажет. Единственными оазисами в этом отношении были наши политотделы дивизии, политотделы бригады, политруки. Про коммиссаров полков говорить не приходится, они шли вместе с командирами. За последнее время наблюдаем мы в этом отношении изменение, как среди рабочей молодежи, которая главным образом так себя проявляла, так и среди рабочих вообще.

Относительно чистоты и культурности в первые годы нашей революции говорить не приходится. Это были вшивые годы. Было много грязи. Последнее, что было у наших рабочих, особенно московского района, они отвозили в Самарскую, Саратовскую и др. губернии, и тут было не до чистоты. С улучшением экономического положения мы наблюдаем резкое изменение. Хотя мы и не слишком много прожили в этой обстановке, но все-таки мы видим резкое повышение и в смысле того, как рабочие одеваются, и какую культурную работу они проводят.

Гордон:

Относительно вежливости и культуры. Большим делом оказалось, что мы взяли дома. Как только рабочие посели-

лись в домах коммуны, где ванная и газ, они старались все это поддержать.

Я хотела остановиться на вопросе, который нас мучает последнее время. Это вопрос относительно молодежи, даже верхушки ее—комсомольцев. Вы обратите внимание на их жаргон, они говорят на каком-то тарабарском наречии: „парень треплется, девка трепется" и т. д. И при этом размахивают правой или левой рукой, смотря по привычке. То же самое относительно одежды. Это народ, конечно, бедный и голодный. Но свердловец одевается особенно. Если встретишь его на улице, сразу узнаешь. Подойдешь и скажешь: товарищ, не свердловец ли вы, дайте покурить.

Кольцов:

Вспоминаю еще недавнее время, лет 10 тому назад, когда к нам в комнату приходила какая нибудь молочница из деревни или мужик приезжал с картошкой, он сейчас же снимал шапку и искал, на чтобы перекреститься. А теперь уже этого нет. Это есть прививка. Никто на это никому не указывал, а мы сами до этого дошли. Мы стали культурнее. Ведь теперь мы не пойдем на улицу с гармошкой, как-то неловко, и сам не пойдешь. Сейчас молодое поколение, комсомольцы, они с гармошкой не пойдут, у них есть много других дел, покультурнее, футбол и др. игры. На все есть время. Тов. Дорофеев помнит, какие были на Москве-реке кулачные игры. До крови дрались, теперь этого ничего нет. Стали понимать, что больно, что люди от этого болеют, что надо лечиться. Может где-нибудь это и сохранилось еще, но в Москве этого уж давно нет.

ВОПРОС № 9

Велика ли воспитательная роль профсоюзов в области бытовой? В чем именно она выражается?

ОТВЕТ:

Марков:

Союзы многого тут сделать не в состоянии при настоящих условиях, но все же, если хоть что-либо делается, то это

только ими и через них. Во-первых: ликвидация неграмотности уже несколько улучшает этот вопрос. Выезды рабочих в дома отдыха, санатории, курорты приучают рабочего к опрятности.

ВОПРОС № 10:

Как широки религиозные, национальные и иные предрассудки в рабочей среде?

В какой форме эти предрассудки проявляются?

ОТВЕТЫ:

Марков:

Икон у рабочих много, вновь он их едва-ли уж когда купит, но старые бросать еще не особо намерен.

Кульков:

Религиозные и национальные предрассудки крайне незначительны, если не сказать, что их совсем нет. В религиозном вопросе остались одни традиции, надо окрестить ребенка, а то соседки будут смеяться. То же самое по отношению к браку и погребению. На Пасху вообще надо испечь кулич и пасху, потому что это вкусная вещь, иногда эту ночь поболтаться без толку вплоть до заглядывания в церковь. Этому потворствует и наш хозяйственный и советский аппарат, подвезут товар в лавки, выдадут пораньше деньги, снабдят авансом, уберут мастерские—одним словом, все пускается в общий поток традиций. Не мешало бы в этом кое-что урезать.

Лысенко:

Национальные предрассудки у железнодорожников еще очень чувствуются. Говорят, вот кроме русских у станка никто не работает, в хозяйственных органах, в трестах нерусские, в скорых поездах нерусские и т. д.

Маринин:

Национальный налет также имеется, особенно антисемитизм, хотя наш район раньше этим особенно отличался. Это существует даже и среди членов партии.

Дорофеев:

Среди отсталых рабочих и даже середняков имеется скрытая затаенная злоба против евреев, что евреи, мол, занимают ответственные места и что им, мол, все можно. Слышатся и такие разговоры, что вот еврей, он и на фабрике, на заводе физически не работает, а состоит секретарем ком'ячейки или каким-нибудь депутатом и т. д.

Антонов:

Есть еще антагонизм к нации евреев, но не в таком широком об'еме, как стоял прежде. Отсталые рабочие зачастую какую бы то ни было нацию критикуют всю, не разделяя ее на классы, очень часто обвиняют в целом.

Захаров:

Религиозные предрассудки с каждым годом изживаются все больше. Мало теперь найдешь рабочих, истинно верующих. Больше верует машинально: „отцы верили и нам надо". Антирелигиозная пропаганда в этом сыграла большую роль, и нужно еще немного времени, когда рабочие забудут религию. Национальные предрассудки еще есть. Антисемитизм наблюдается.

Лагутина и Казанский:

Однажды вздумали верующие богов электрифицировать—засветили лампочки у икон. Но пристыдили в газете, и эта „механизация" религии тоже осталась в прошлом.

Особенной, впрочем, религиозностью рабочие никогда не отличались. А все же и теперь: в церковь не ходит, „Безбожника" читает, а крестить ребенка попа зовет („на всякий случай"); исповедываться не идет, а как помирать—за попом посылает.

Национальные предрассудки сидят прочнее и глубже. Национальные предрассудки — собственно в виде антисемитизма. Порок этот весьма живуч и ощутим даже в коммунистической среде. При чем не любят еврея „абстрактного", так сказать; ибо к рабочим-евреям, служащим, с которыми соприкасаются каждодневно, к вождям партии—отношение нормальное, человеческое. Во всяком случае очень заметное сглаживание происходит, и время революции, когда большие массы людей были приведены в движение и непосредственное соприкосновение с другими нациями, внесло сюда много здорового. До полного благополучия здесь, однако, далеко, и потребуются большие сроки, чтоб изжить эти предрассудки полностью и без остатка.

Казаков:

Религиозные предрассудки с каждым днем слабеют. Национальные же слабеют более медленно.

Кобозев:

Рабочий и крестьянин, выполняя тот или иной обряд, исходят на 70% не из чисто религиозных предпосылок, а так для порядка, по инерции, чтобы люди не осуждали.

Иванов:

Религиозные предрассудки у рабочего в большинстве изживаются легче, чем национальные.

Коробицын:

Что касается религии, то русский человек, можно сказать, никогда не был религиозен, это была какая-то привычка. Говорили так, что „молиться пригодится". И несмотря на то, что считали священника посредником между людьми и богом, придумывали ему всякие названия. Это показывает, что русский человек не религиозен. Теперь, когда некоторые беспартийные ходят в церковь, то они ходят только потому, что нечем заполнить пустоту. Если он раньше не был рели-

гиозен, то теперь тем более. Но мы ничего ему не дали, мы вдребезги разбили религиозные предрассудки, а взамен не дали ничего. Он отрицает бога, но вместе с тем идет в церковь. Почему он идет? Потому, что мы вдребезги разбили прежнее, а на осколках ничего не создали. И нам, коммунистам, надо создать что-то новое. Теперь нет возможности создать, на это нужны десятилетия, в течение которых вырабатываются новые формы. Но мы не успели ничего сделать, и публика ходит ощупью и вырабатывает сама новые формы.

Лагутина:

До 14-го года я была страшно религиозная. Я ходила по часовням, молилась, попов любила, над каждой иконой плакала и думала, что более святой нет, как я. В 14-м году начинается война. Пришлось мне как-то быть на вокзале, когда провожали солдат. Я стою и плачу, подходит ко мне какой-то мужчина и спрашивает: „чего ты плачешь?" — Как же мне не плакать: и у меня есть сын, и его возьмут. — А он и говорит: конечно, возьмут, так царь велит — значит, возьмут. — Ну, я говорю, нам бог поможет. Мы будем молиться. — А он и говорит: а разве бог-то только у нас? Ведь бог-то и у германцев, и у всех. Ты плачешь о своем сыне, а он будет убивать другого сына, у которого тоже мать есть. — Ну, что-ж, говорю: так царь велит. А я буду молиться, чтобы мой сын был жив. — Ну, и что ж, я молилась, и свечки ставила, и как раз через две недели после этого мой сын был убит. И как мне прислали письмо, что сын убит, то я кляла Николая и с тех пор и от бога отказалась. Я часто этот пример привожу нашим работницам. Вы молились, и я молилась, а нам бог ничего не давал. И теперь многие работницы сознают уже, что не бог даст, а нужно самим взять.

Кольцов:

Я приведу пример. Выдумал у нас один столяр сделать пасочницу. Пасха вещь хорошая, вкусная, все мы ее едим. На самой пасочнице изображены разные поповские знаки,

а он сделал с одной стороны красную звезду, а с другой стороны написал РСФСР. И стали эти пасочницы распространяться по заводу, так что он не успевал их делать. Пошел он к заведующему спрашивать, можно-ли делать? Тот ему запретил. Но он все-таки штук 50 сделал.

Казаков:

Уклад религиозных предрассудков безусловно был велик до 17-го года. Но в течение этих пяти лет произошел громадный переворот, и я уверен, что мы их окончательно изживем не больше, как через 20 лет. Если мы молодое поколение обхватим нашими клубами и культпросветорганизациями и будем их наставлять на свой лад, мы сделаем свою молодежь более интеллигентной, и тогда этот уклад будет быстро изживаться.

Из записки товарища (фамилия неизвестна):

На одной фабрике организатор молодежи выступал на ячейке РКСМ против религии. Молодежь поставила ему упрек, что у него дома имеются иконы. Организатор молодежи, злой, вернувшись домой, сбросил и разбил иконы. Жена, раз'яренная, бросилась к портретам Маркса, Ленина и др. и разорвала их. Перемирие состоялось на том, что жена отказалась от икон, а муж от портретов Маркса, Ленина и др.

Из записки Оснаса:

По заведенному на нашей электрической станции обычаю, по смерти рабочего производится сбор на семью, обычно собирающий крупные суммы. На днях умер монтер. Начался сбор, но так как стало известно, что мать умершего устроила „пышные" похороны — давать стали мало, а то и ничего: „нечего попам дарить".

Лидак:

Может быть, рабочий и носит крест, но он не верит в него. И когда мы задавали вопрос: „в чем религия?" — то всякий

рабочий отвечает: „когда приходишь брать работу, то не спрашивают — веришь ли ты, а спрашивают, умеешь ли ты рубить и пилить". Поэтому я думаю, что сейчас нужно обращать внимание не на основной кадр, который за нами идет, а нужно подвести фундамент под женщину, воспитательницу новых поколений, потому что мы не можем еще раскрепостить женщин и взять детей на воспитание в наши общественные учреждения. Поэтому надо взять женщину и дать ей новые понятия, и отсюда будет другое миросозерцание по отношению к нашему коммунистическому строительству. Это мой опыт, который я наблюдаю каждый день на заводе.

Гордеев:

У директора заболела мать, и как раз в этот момент привезли икону боголюбской божьей матери. Эта икона обошла всех, побывала и у коммунистов. Получается интересная история — у директора умирает мать, и захотелось ей эту икону принять. Директор согласился, но после молебна он навязал на икону красный бант. На другой день мать умирает, нужно ее хоронить. Когда я спросил, как хоронили, то он ответил, что хоронил по гражданскому обряду, а сестры хоронили по церковному. Он организовал коммунистов, собрал хор, струнный оркестр, пригласил ЧОН, справили панихиду, а потом спели Интернационал. На кладбище поп отслужил панихиду, бросил горсть земли, а потом выступал ЧОН. Это все для матери-старухи 60-ти лет. Завод этот стоит в стороне, и в виду большого количества более важных предприятий, этот завод был у нас в загоне. Теперь там всех перешерстили...

Маринин:

Когда национальный вопрос стоит отвлеченно, то рабочие как будто бы интернационалисты, а когда на предприятии есть один или два, например, латыша, или эстонец, или еврей, тогда вопрос другой. И вот у нас так случилось, что бюро ячейки составляют чуть ли не все нации. Вот рабочие и говорят: один такой-то, другой такой-то. А насчет анти-

семитизма Рогожско-Симоновский район и раньше отличался, и нужно сказать, что поскольку у нас никаких докладов, никаких бесед на эту тему не было, это наблюдается и теперь, даже среди членов партии. Правда, членов партии можно призвать к порядку, но все-таки этот вопрос следовало бы почаще освещать, и тем самым можно было бы двинуть его немножко в смысле культуры, потому что наблюдаются такие моменты, когда публика даже погромно настроена. Правда, небольшая часть, но это есть.

Антонов:

Наш русский рабочий спокон веку смотрел так, что если соседняя с ним национальность говорит не на русском языке, значит, немец, к какой бы национальности тот ни принадлежал. Что же касается нынешнего настроения рабочих по отношению к национальности, то теперь рабочие в большинстве уже разбираются. Они стали теперь национальность на классы разбирать. Конечно, рабочий был сильно прежде настроен, примерно, против нации евреев, но и тут есть сдвиг. Все-таки он стал не всех стричь под одну гребенку. Ему, конечно, с этой точки зрения раз'ясняют, и в этом отношении он далеко шагнул вперед.

ВОПРОС № 11.

Как рабочий проводит воскресные дни и праздники вообще?

ОТВЕТЫ:

Кульков:

В праздник рабочий в семье располагается таким образом: если есть средства, жена печет пироги, он няньчится с детьми или идет на базар купить кое-что, в том числе и газету. После идет куда-нибудь в парк, в гости к знакомым, если есть дети, идет с детьми. Одинокий рабочий идет на базар, толкается, старается купить чего-нибудь подешевле, поглазеть, когда поднадоест — идет в чайную. Старичье иногда

заглядывает в церковь, хотя очень и очень мало. Если устраивается экскурсия или гулянье и если это хорошо организовано, то рабочий очень охотно посещает. Молодежь в большинстве идет в клубы, на площадку, часть уезжает за город, а часть уходит на базар.

Финковский:

В организации использования праздников надо поставить на должную высоту губполитпросветы (летние прогулки, зимние вечера, лекции). Затем кино, театр и пр. Этот вопрос так велик, так много мы могли бы сделать в этой области, сделав наши праздники в тысячу раз более праздничными, чем в былое время. Но этого пока нет. Тут нужна помощь государства. Не грех и своевременно подумать о домах отдыха, детских домах, яслях для семей партийцев, для которых семья буквально является обузой не только в будни, но и в праздники, а в последние еще больше.

Захаров:

Наблюдается теперь стремление рабочих провести воскресенье за городом „всем вместе". Этим об'ясняется ряд успешных поездок за город, человек по тысяче, по полторы. Если сравнить проведение праздника до революции и теперь, то нужно отметить сдвиг в хорошую сторону. Азартных игр и пьянки во много раз меньше, чем раньше. Драки, „стенки" теперь исключительное явление, а раньше оно было бытовым явлением.

Гордеев:

Когда рабочие женятся, то они зарываются в свою семью, и нет возможности как-нибудь коллективно собраться и поговорить, кроме как на официальных собраниях, потому что вообще у рабочего свободного времени совершенно нет. И вот теперь по заданию М. К. мы начали устраивать экскурсии. На это рабочие чрезвычайно откликнулись: например, в воскресенье мы с Никольских фабрик затащили на экскур-

сию около 7.000 рабочих, развернули буфет, взяли два оркестра музыки, устроили качели и другие увеселения — и результат получился очень хороший. К сожалению, мы не могли придать экскурсии научный характер, чтобы рабочие помимо удовольствия могли получить еще известные знания. Эти экскурсии чрезвычайно спаивают рабочих и разбивают ту семейную замкнутость, которая у рабочих еще чрезвычайно сильна. Тут работницы заводят свой особый хоровод с революционными песнями, а рабочие устраивают особые собрания, игры и т. д. Это имеет большое значение, а если к этому мы сможем прибавить еще естественно-научные вопросы, которые на лоне природы очень легко понять, то тогда нам удастся придать экскурсии и научно-показательный характер.

Гордон:

Мне приходилось в продолжение зимы часто бывать на вечеринках у рабочих. Когда люди разойдутся, обязательно хочется танцовать, и они безусловно правы. Тут еще интересное явление: публика чувствует себя стесненно. У нас на экскурсии был оркестр. Ко мне подходят и спрашивают: можно ли мне танцовать. Конечно, танцуйте, сказала я. Интересно, что когда они танцуют русскую или казачка, они чувствуют себя хорошо, но когда начинают танцовать салонные танцы, мазурку или ту-степ, они чувствуют себя стесненно. И надо сказать, что к салонным танцам имеется определенно отрицательное отношение.

Дорофеев:

Зайдите в трактир или пивную (вы должны даже зайти в них). Если вы посмотрите, то увидите, что они переполнены рабочими. Там он душу отводит, там вы можете его с'агитировать. Свободное время он проводит почти по старому.

Кульков:

Как рабочие проводят воскресные и праздничные дни вообще? Сейчас, поскольку наши клубы в большинстве своем не приспособлены еще, рабочие проводят свои праздничные

дни таким образом: если, например, организуются профсоюзами или райкомами прогулки—берут с них по 30 р. за это, дают им билет, стакан чаю, булку, музыку и т. д.,—рабочие с удовольствием посещают эти прогулки. Но если этого нет, то обыкновенно, если рабочие имеют возможность, если семья небольшая, то утром жена печет пироги, а он нянчит детей или идет на базар, покупает газету „Рабочая Москва",—по будням получает ее на заводе, но по праздникам на квартиры не приносят. Так вот он покупает газету и несет домой. Напьется чаю с детьми и женой, а затем идет на бульвар или в парк куда-нибудь, иногда в гости.

Но есть другая часть рабочих, в особенности теперь: рабочие, получающие очень мало, по вечерам прирабатывают себе, кто как сапожник, кто—как портной и т. д. И вот в воскресенье он идет спустить это на базар и купить чего-нибудь. Очень многие рабочие это делают. Это одна форма, а другая форма—более старая: ходят в церковь (но очень немногие), а потом отправляются куда-нибудь в гости или заваливаются спать. Ну, а самые молодые, в большинстве своем, идут играть в футбол, на всевозможные площадки, в кружки, в экскурсии и т. д.

Антонов:

Как рабочие проводят праздники? Можно сказать, что праздники рабочие проводят, как и прежде. Но разница громадная в том, что прежде он проводил праздники буйно, нехорошо, потому что везде было поголовное пьянство, а теперь пьянство бывает в крайне редких случаях. Теперь рабочий напьется пьяным быть может раз в месяц. Прежде же тот же рабочий, который побольше зарабатывал, был каждый день пьян. Надо признаться, что это пьянство постепенно отходит в область предания.

Гордон:

Рабочие очень увлекаются теперь кинематографом. Я сама его люблю. Когда живешь в районе, то видишь, как ходит публика. Но в последнее время масса картин, которые за-

щищают колониальную политику, как Атлантида, Мексиканская всадница. Они настолько увлекательны, что если я посмотрю одну серию, то пойду уже на все. Это много публики портит. И вы, товарищи, все наверное тоже ходите. Обычно считают, что это позорно. Но такое рассуждение чепуха, это большое достижение и культурная школа. Но нужно, чтобы содержание было другим, чтобы оно не восхваляло колониальную политику и т. д. Нужно обратить внимание на это. Мы в районном клубе открыли кино, ставим разные лекции, ставили „Пять лет революции".

ВОПРОС № 12:

Не слишком ли много у нас празднуется юбилеев?
Не слишком ли много строится всяких знамен?
Не было ли бы более целесообразным заменить постройку новых знамен каким-либо другим, практически более целесообразным делом, например, постепенным созданием Московского фонда для какой-либо постройки (дома отдыха или образцового жилого дома для героев труда и пр.)?

ОТВЕТЫ:

Лысенко:

Масса мало участвует в постройке знамен, средства берутся больше с производства.

Очень целесообразно создать фонд на дворец труда и в нем устроить доски с обозначением имен рабочих, кто и при каких условиях сколько отчислил. Тут будет соревнование.

Захаров:

В области юбилеев мы переборщили. Это явление стало модным, и каждый считает нужным справлять юбилей, хотя он не приходится ни к селу, ни к городу. Вот, например, РКСМ справляет шестилетний юбилей, банк справлял годовой юбилей. Тут надо знать меру и поменьше крику. Относительно знамен сейчас, кажется, прошла полоса подношений знамен.

Кольцов:

Относительно постройки новых знамен рабочие в большинстве случаев не чувствуют лично материального ущерба, ибо средства на знамена отпускаются правлениями заводов, или культкомиссиями, или фабзавкомами, но все же затрачиваются довольно крупные суммы народных денег.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Стр.

Предисловие 3

I. Газета и ее читатель 5

II. Не о „политике" единой жив человек 15

III. Чтоб перестроить быт, надо познать его 25

V. Водка, церковь и кинематограф 32

IV. От старой семьи к новой 38

VI. Семья и обрядность 48

VII. Борьба за культурность речи 53

Приложение 59

Издательством „КРАСНАЯ НОВЬ“

выпущены следующие работы

Л. Д. ТРОЦКОГО:

ЗАДАЧИ XII С'ЕЗДА Р. К. П.
ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.
ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.

Вышла из печати:

Джон РИД. „Десять дней, которые потрясли мир“.
Перевод В. Яроцкого. Предисловия Н. Ленина и Н. Крупской. Краткая биография Д. Рида А. Р. Вильямса. Обложка работы худ. Чехонина. Стр.—316. Цена—1 руб. 20 коп. золотом.

Вот что пишет тов. Ленин об этой книге:

„Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу ДЖОН РИДА—„Десять дней, которые потрясли мир“,—я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземплярах и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять все значение принимаемого решения.

Книга ДЖОН РИДА, без сомнения, может выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения“.

Издательством „КРАСНАЯ НОВЬ“

выпущены следующие работы

В. И. ЛЕНИНА:

КАРЛ МАРКС. (Краткий биографический очерк с изложением марксизма).

ГОСУДАРСТВО и РЕВОЛЮЦИЯ.

ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК НОВЕЙШИЙ ЭТАП КАПИТАЛИЗМА.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и ЗАДАЧИ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

О КООПЕРАЦИИ.

В. И. ЛЕНИНА и Г. В. ПЛЕХАНОВА:

ПРОТИВ БОГДАНОВА.

ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

вышли из печати:

Адоратский. Научный коммунизм.

Меринг. Фр. Об историческом материализме.

Энгельс. Фр. От утопии к науке.

„ Людвиг Фейербах.

2р.